

Андрей НОВИКОВ

Поэт, прозаик, публицист А. В. Новиков родился 26 декабря 1961 года в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. После службы в армии поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на факультет поэзии (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА

Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Первая серьезная публикация Андрея Новикова состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Публиковался в газетах: «Литературная газета», «Общеписательская литературная газета», «Слово», «Литературный Крым», «Московский комсомолец»; в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Дружба», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Байкал», «Великороссъ», «Литературная Киргизия», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Рабочая смена», «Чаян», «Нева», «Симбирскъ», «Северо-Муйские огни», «Метаморфозы», «Южное сияние», «Зензивер», «Белая скала», «Балтика», «Берега», «Артикль» (Тель-Авив), «Русское Эхо», «Российский колокол», «Сибирь», «Столица», «Сухум» (Абхазия), «Север», «Сура», «Таврия литературная», «Рассвет», «Молоко», «Приокские зори», «Библиотечное дело»; в альманахах: «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», «День поэзии -XXI век», «Московский Парнас», «Академия поэзии», «Паровозъ», «Литературный оверлок», «Под часами», «ЛитЭра», «Русский смех», «Парад литератур», «Чаша круговая», «Параллели»; в коллективных сборниках «Рукопожатие» (Воронеж), «Турнир», «Дебют в «Современнике», «Молодая гвардия-85», «Тверской бульвар, 25». Автор 6 книг, лауреат 11 Международных и Всероссийских премий. С апреля 2015 года возглавил Липецкое региональное отделение Союза писателей России. На XV съезде Союза писателей России 15 февраля 2018 года был избран секретарем Союза.

ЯБЛОКО

Снова, глупо, вопреки рассудку,
Не туда повесили звезду,
Спрятавшийся в телефонной будке,
Ночи круг печалью обведу.

Быть собой, пусть увеличит в сумме,
Искаженья предрассветный час,
Слушая оцепеневший зуммер,
Проходящий глухо через нас.

Над балконом дома из панелей,
Млечный путь из неразрывных уз.
В городском саду юнцы пьянели,
Надрывался в аромате гнус.

И свисало яблоко планетой,
И упасть грозило на траву,
В это разъярившееся лето,
В этот мир, где я еще живу.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Когда зима поднимет ворот,
Из индевеющих вершин,
Встает с утра запретный город,
Являясь, множеством личин.

В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах,
Не за китайскою стенною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так, на все века –
Река во льду глухонемая,
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему, чредой полосной,
Цехов искристые венцы,
Похожи, в смыслах переносных,
На поднебесные дворцы?

...Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стекла освежит.

ЦЕППЕЛИН

Гляди сыновьею любовью на горизонт, где как налим,
Плывя, струи тугие ловит по нашей воле цеппелин.
Подставил смело ветру щеки над сонностью речных прохлад,
Несвоевременный – и в итоге, несовершенный аппарат.
Скрипит фанерная гондола, где командор засел птенцом.
Он на какой парад в просторе летит серебряным яйцом?
Нам дерзновенья века любви, подвластен, мил лубковый сказ,
Играйте ангельские трубы, звени моторами каркас.
Канаты свесились под брюхом, как письма из узелков,
Гордись страна небесным духом, путь властелинов – он таков!
Мы покоряем раз за разом простор, не осознав предел.
Мечтою в кубатурах газа, судьбой неповторимых дел.

НОЙ

Земля молода, в ней упрямая нега,
Теплы небеса и манят пленой,
Зачем же кедровое тело ковчега,
Поставил на брег недоверчивый Ной?

С утра облачился в льняную рубаху,
Денек безмятежный на все времена,
Умыты росой библейские страхи,
Пророки вздремнули, хлебнувши вина.

Смеется над ним молодая природа,
Бросает к ногам изобилье плодов,
И воины гордо идут из похода,
Ведут на веревках коров и рабов.

Купцы суетятся в торговом угаре,
Артельщики строят из камня дома.
А он все твердит: каждой твари по паре,
И все собирает в мешки семена.

ЗАПАХ МИРА

Светится зеленая ограда,
Тени расползаются, шутя.
Розовыми пятками по саду
Мнет растенья малое дитя.

Изнывая в первозданном зное,
Ощущают приступ духоты
Брошенные в марево земное
Синие и красные цветы.

Наблюдай за малышом и робко,
Ощущай библейскую тщету,
Леденцов душистую коробку,
Запах мира, сада красоты.

СЛУЧАЙНОЕ РОДСТВО

Поправь очки со сломанною дужкой, расцвел цикорий, синева зовет.
Из подворотни пахнет свежей стружкой, там кто-то курит, плачет и поет.
В тумане зябком отсырели кровли, не разберу ни слова, хоть убей!
Взаимное доверье лечат болью, в бессилье оправдаться перед ней.
Тревожат душу у кирпичной кладки, простывший день и краденый арбуз,
Догадываюсь – режут правду-матку, и нож достанут, что козырный туз.
А дальше будет курица от плахи бежать недолго и без головы.
Бродяжий дух, напомнивший о страхе, не вразумит хозяина, увы.
Цепочку пищевую понимая, кунжутным маслом пенится казан,
Событий и поступков связь прямая, навязчиво бросается в глаза.
Но в этом мире, созданном искусно, а дьяволу и в этом повезло,
Причастности мистическое чувство обманывает весело и зло.
Пронзительны родные захоlustья, оправданное жизни естество.
Прими же с горькой, просветленной грустью неясное случайное родство.
Еще в руках бутылка с теплым пивом, и далеко оливковое дно,
Банально все окончится обрывом, а в нем и есть спасение одно.

ПРАЗДНИК

Жизнь интересна в первой трети,
На кухне молоко кипит,
Петарды зажигаю дети,
И снег искрится и шипит.

В прихожей разговоры грубы,
Свет резко падает в проем,
Приходят гости, шапки, шубы,
Топорщатся хмельным зверьем.

А улица ликует в сборах,
Куранты бьют желанный час,
Расплавлен наст, чернеет порох,
Привычно праздник входит в нас.

Вот так приливом и отливом,

Сумбуром, новизной затей,
И только хрупки и ленивы,
Остатки ледяных дождей.

В них видно будних дней удушье,
Работы повседневной боль,
Жизнь, дай чуть-чуть великодушья,
И праздник выплакать позволь.

ШКОЛЬНИК

Солнце жарит, в настроенье глупом,
Показав смазливое лицо,
Выжигает на скамейке лупой
Школьник нехорошее словцо.

Жаждет чадо молодое воли,
Хорошо одно в борьбе со злом:
Он не ловит покемонов в школе,
И бычки не курит за углом.

Но во всем видна первооснова,
Пусть невелико творенье рук,
Тянется дымок с доски сосновой,
Кривизна обугленная букв.

Теменем качает рыжеватым,
И сопит, сосредоточен весь,
Истиной простой и тороватой,
Неприлично лишь ее прочесть.

Полдень тонет в мареве, в подбое
раскаленном, так прими в строку,
Грешное, знакомое, любое
это приобщенье к языку.

ТИХИЙ СВЕТ

Я встану спозаранку,
Пойму, что день нелеп,
Бычков открою банку,
Нарежу черный хлеб.

Где утро в темя дышит,
И брезжит тихий свет.
Садись, избранник свыше,
На скромный табурет.

И будет стол, поверьте,
Гостеприимно прост,
Так выглядит бессмертье,
За это первый тост.

На середине лета
Зачем такой сарказм,
И неживых предметов,
Не суетный соблазн?

Черна под утро зелень,
Двора угрюмый свод,
Лишь остается верить,
До дрожи: все пройдет!

МЕЛКИ НА АСФАЛЬТЕ

На асфальте цветными мелками,
Нарисованный домик с трубой,
Неказистый корабль с парусами,
Небосвод небольшой, голубой.

Голенастое дитяtko, здравствуй!
Дай вернуться в твой возраст на миг,
У курносого облика странствий,
На лице торжествующий блик.

Простота накануне улыбки,
На качелях взлетает восторг,
И кузнечик играет на скрипке
В пестрой клумбе похожей на торт.

Но упрямое время верстает,
Упрекнув фантазера во лжи,
Мальчуган дураком вырастает,
И зарёванный дальше бежит.

Так какой мы помазаны кровью,
Если гостем случайным в дому,
Вера общая схожа с любовью?
Но противна хмельному уму.

ОСТОРОЖНАЯ НОЧЬ

Отрекся от себя привычно, внезапный непогоды вид,
Дух общежитий вторгся зычно и ни о чем не говорит.
Жить, как рассеянный прохожий, нашедший в подворотне дрожь,
Где осторожно ночь положит в карман наборный финский нож.

Фонарный свет, слепящий окна и в лужах непорочны льды,
Прохлады длинные волокна, лицо мертвеющей воды.
И каждый час во тьме преступно, шумят незримо поезда,
Напомнив нам, что недоступны: мечта, дорога и звезда.

ДОЛ

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь – благая весть, покуда в напряженье полном
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползет украдкой.
Куря и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливость вымокших животных,
Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной, среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол, в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

БУБЕНЧИК

В жажде жизни, в ее круговерти,
Перемешаны правда и ложь,
Много скучного в опыте смерти,
Не тождественно правилам... Что ж?

Безутешно одетый дух речи,
Удивлял повседневности бровь,
И за ближнего страх недалече,
Был на жалость похож и любовь.

Но размажь эту смесь мастихином,
Не жалея ни кармин, ни белил,
Ремесла полновесным цехином,
Ты давно и за все заплатил!

Небо крыл непечатною жестью,
Жадно ел пирожки с требухой,
Исходивший глухие предместья,
Молодой, бесшабашный, бухой.

Муки вечные щедрой пригоршней,
Собирая и прощенья просил ...
Потому и в груди, скомороший,
Вместо сердца бубенчик носил.

НОЧЬ

Дует ветер дел заплечных
Буйной голове в висок,
Путь, и тот явился Млечный,
Набекрень, наискосок.

Отчего смертельна свежесть,
И поставлена в вину?
Волки, кровожадно нежась,
Скалят пасти на луну.

Клювы вороны прочистив
Больше очи не клюют,
На душе светло и чисто,
Да и в душу не плюют.

Только чья-то тень святая,
Тает в медленном огне,
Крылья больно вырастают
На истерзанной спине.

Порч и почестей небесных
Узелком связать невмочь,
За слезой простой и честной
Отправляйся в эту ночь.

ТВОРЕНЬЯ ВЕЩЕСТВО

Крыжовника глаза кошачьи,
У тишины есть сонный створ,
И влажною сиренью смачно,
Грешил и задыхался двор.

Дома откормленные сонно,
Хозяев ждут наверняка,
Покойные во время оно,
Глотком парного молока.

Поджаренный на солнце точно,
Смотрел подсолнух втихаря,
Тесали рядом бревна сочно,
Махоркой крепкою смоля.

Я понял, труд в высоком смысле,
Хорош, чтоб замысел его,
У бытия на коромысле,
Качнул творенья вещество.

Пусть учит день добру и страху,
Когда в поту нательный крест,
Отдаст последнюю рубаху,
И вспомнит перемену мест.

БОГОМАЗ

Моленья предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья,
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная, с миротворенья.

Пусть светится от золота оклад,
И в паутине красок римский отрок
Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.

Левкас никак не отпускает кисть,
Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отображая перечень пророчеств.

Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз,
Без участи, тоски и сильной страсти.

У ОКНА

Под чердачными балками где-то,
Жизнь с мансарды острее видна.
Посмотри, ты же черный от света,
Потому, что стоишь у окна.

Тенью – гордый, а профилем – жалкий,
Бытие на ткущем счету,
Пахнут остро бензином фиалки,
Небеса предъявят наготу.

Так скажи этой оптике: – Здравствуй,
Потому, что на все времена,
Стал невольной причиной контраста,
И душа в черновик вмещена.

Город виден, хранит содержанье,
Хмарь над жестью изогнутых крыш,

И стихию несут горожане,
На работу, а ты промолчишь.

Только к далям бесплотным готовясь,
Отправляешь сиротски мольбу,
Уместить в некрасивую совесть,
И в свою и в чужую судьбу.

ОДНА МИНУТА

Ушел в дурмане, стыдно малость,
Простые позабыл слова.
Черна как хлеб разлуки жалость,
Черства уютом, как вдова.

Не быть нам снова молодыми,
Уйти и больше ничего,
К не подытоженной твердыне,
Благодарумья своего.

Но век не изменяет облик,
Для новой встречи роковой,
Пока еще не приспособлен
К отмщенью опыт неживой.

Когда дороги изогнуты,
Тоской пылят издалика,
Хватило бы одной минуты,
Чтобы проститься на века.

ВИДЕНИЯ

От ночных, непрочитанных бдений,
Бьет в ладоши большая луна,
Разругались фрагменты видений,
Не на ночь, а на все времена.

Друг на друга, столпившись, орали
Призрак призрака драл за власы,
Просто сытую жизнь выбирали,
Все как мы, и сопели носы.

И над всем – ощущение озноба,
Как одели в сырое белье,
И летали на крышке от гроба,
На весы, бросив сердце мое.

Будет долго оно колотиться,
К равновесию чаши сведя,
Память выше – летает как птица,
Голоса уходящих будя.

Вот она, правда жизни, тупая,
Бытия указующий перст.
Откупаюсь от них, отступаю,
И целую серебряный крест.

ПРОШЛОЕ

Однажды на блошином рынке
Купил я старые ботинки,
И вытертый фотоальбом –
Страницы у него горбом.
Чужое прошлое тревожить,
Скажу: конечно, мы не можем!
К тому же и ботинки жмут –
У прошлого характер крут.
Но все же я открыл страницы,
И увидел в разводах лица.
Чужих, исчезнувших людей,
Во время полное идей.
Они так жили – не тужили,
Росли, женились и дружили.
Учились. При холодных лбах,
Лежали смиренненько в гробах.
Чреда веселых детских рожниц,
Вот куплен первый «Запорожец».
И на его горбатый зад,
Семейный нависает сад.
Курсант у моря чинит шлюпку,
Цыган на снимке курит трубку,
Легкоатлет назло врагам,
Глядит на стартовый наган.
А здесь на фото ели-пили,
Плясали, смешивая стили.
Потом уснули без прикрас,
Упав на старенький матрас.
Семейное чужое фото,
Увы, теперь листает кто-то,
Достав его из забвения.
И этот кто-то – это я!
Зачем? Понять, что время зыбко,
Что жизнь – досадная ошибка,
И в проявлении любом,
Вмещается в один альбом...

ДАНЬ

Прими застенчивости мед,
Ход неких мыслей потаенный,
Кто о любви безбожно врет,
Святыми снами погребенных.

Лжи этой сладкой долог путь,
В противоречьях ладно скроен,
Прекрасна жизнь и в этом суть,
Благословлено мир устроен.

Но этим слаб, телесно глуп,
Несносен жадностью к победам,
Сомнений соль стирая с губ,
Поймешь, что он тебе не ведом.

В нем тучи, камни, страсти дрянь,
Покинутые прочь пороги.
Так жизнь выплачивает дань,
И чепуха ее итоги.

Забвений золото почисть,
Бесследно ничего не сгинет.
Любовь и Смерть, ваш путь речист,
И чаша никого не минет.

ЧЕЛН

Смолою вышитую грудь
подставил челн волне воспетой.
– Отчаянным безумен путь?
Меня не слышат, нет ответа.

А как по песне угадать
Судьбу, что пригрозила смотром,
Когда сомнений благодать,
Тебя одолевает, отрок.

Где плеса выросшая весть,
Шумит заботами земными,
Прибрежных трав упряма смесь,
Духмяным шепотом обнимет.

Знак зодиака невесом,
Светящиеся ставит стежки,

Так оттолкни луну веслом,
Скользи по световой дорожке.

Плыви, молись чужой мечте,
Пьянящий страх еще не ведом.
Мечта в бездумной суете,
За нами уплывает следом.

ТРАТА

Дунет сухо в ухо ветер,
Плюнешь только на себя,
Ибо тот, в кого ты метил,
Удаляется любя.

Пользуешься промежутком,
Очной ставки с бытием,
Входишь в сумрачный и жуткий,
Безвремений окоем.

Как по замкнутому кругу,
Кружит жизни карусель,
Младость – нищеты подругу,
Отправляя на панель.

Не весёленькая трата
Забывание имен,
Вечностью запанибрата,
Оскоплен и оскорблен.

Да и стоит ли пытаться,
Если и с небес дерзит,
Некрасивых репутаций,
Сладострастный реквизит.

Посылает холод резкий,
Небо полное тоски.
Как от старой, грязной фрески,
Сыплются надежд куски.

САНКИ

Рассказана новая сказка
На склоне ребяческий визг.
Усаживай сына в салазки,
Ногой оттолкнёшься и вниз.

Накатано, смазано, стерто,

Мгновение чудно, свежо,
В толчках ощущает аорта,
Восторга внезапный ожог.

И скорость в объятиях жарких,
Смирнее радостных нег.
Большим, благодатным подарком –
Неровно сверкающий снег.

Пусть узы семейные, рядом
Почувствует чадо сполна!
Родством молодежи беспорядок,
Игрою, где жизнь прощена.

РАБОЧЕЕ УТРО

С фабрикою пококетничав,
В небо высятся дымы,
Заставляя скупю нервничать,
Горожан из снежной тьмы.

Вялости жестока оптика,
И сентенций нагота,
Разъяснений ждет синоптика,
Как шкодливого кота.

Не заставит время кается,
Или выпасть из окна,
А в кафе блинами давятся,
Бомж и целая страна.

Этот час подобен рекруту,
Свет нелепый и скупой.
Обернись, смотреть-то некуда,
Слейся с серою толпой.

На работу утром топая,
В сторону чадящих труб,
Рыхлый снег ногами штопая,
Ты беспомощен и глуп.

КРЕСТОМ ОСЕНИВ

Открой деревянные ставни,
Прохладу под вечер ищи.
Земля перемешана с камнем
Крапива у дома на щи.

Здесь твердые помнят ладони,
Нехитрый и бережный труд,
И легкую лодку в затоне,
Где птицы на ветках замрут.

Над дверью прибита подкова,
Но счастье здесь было вчера.
И новая жизнь бестолково
Томиться в прихожей с утра.

И дымка, в ней вера и горечь,
И отрок мужской говорок,
В словесном попробует соре,
И взрослым уйдет за порог.

А следом и мне – удалиться,
Июня покой обрести,
В него мне осталось влюбиться,
И лето осталось спасти.

И дождь неожиданный выждать,
В котором дорога суха.
Крестом осенив себя трижды
Под каверзный крик петуха.

ШАГНИ В ПРОСТОР

Вот собран чемодан желаний,
Припоминай, долги простив,
Поскольку перед расставаньем.
С тобой на славу погостим.

Нагретою кошмой степною,
Покой неспешно окружён.
А за дощатою стеною
Полезет песня на рожон.

Гонимы силой неотступной,
И в покидаемом дому,
Привыкни бредить ставкой крупной,
Дороги прикуп на кону.

Прощанья проситься обуза,
Внезапно охладить виски,
Безвестности лишится груза,
Сверкнув тупым ножом тоски.

Шагни в простор, вдыхая запах,

Хмельной подсолнух шею гнет.
Сумятицею оцарапав
Жизнь не дает других щедрот.

ЧУЖАЯ ВОЛЯ МОЛОДА

Одна из радостных щедрот, бьет глухо в потускневший бубен,
Оскоминою сводит рот – лесная ягода забродит.
Как август буен во хмелю, ночами ощущаешь Север,
И верно он ползет к нулю, продрогшей синью задушевен.
Глаза курящихся запруд в тумане оловянно меркнут,
И воздух холодом разут, он делает тебя бессмертным.
Пуглива первая звезда, собаки скалятся цепные,
Чужая воля молода, глаза лукавы отступными.
Так что ж – гуляй и бедокурь, веди желанную в покосы,
Отлюбит, точно выбьет дурь, родит ребят светловолосых.
Возникнет смех, любим, упряма, коровы тяжелеет вымя,
А ранний час по потным лбам пройдет, последнее отнимет.
Всего себя отдай сполна, среди соловьиных побережий,
Любимых губ еще сложна, медлительна скупая свежесть.
Попавшись в плен, не прекословь, а загадай душой на ощупь,
Чтобы густеющая кровь спаяла горизонт и рощу.

БАШНЯ

Нам достался Господь бесшабашный,
Трудоголик, водитель калек.
Вавилонскую строили башню
Был такой у страны нацпроект.

Он стоял у корыта с цементом,
Он дразнил октябрятским значком.
Осыпалась листва позументом,
И лежала природа ничком.

Шлакоблоки замешивал потом,
И пока выростала стена,
Польский спирт разбавляли компотом,
И его разливал Сатана.

Он шумерам кидал караваи,
И над ними глумился без слов.
Подъезжали к подножью трамваи.
Доставлявшие новых рабов.

Помолись в производственном цикле,
Непорочный осваивай план,

Будет солнце – серебряный сикель,
Опускаться в дырявый карман.

Так росла до небес без возврата,
Белым камнем над миром сиять,
В окруженье рабочего мата,
Языки и себя забывать.

КНИЖНЫЕ РАЗВАЛЫ

В переходе книжные развалы, лысиной блестящий продавец.
Улица толпою изнывала, выказав терпенья образец.
В переплет попасть души не чая, под обложкой оказаться в миг,
С укоризной головой качая, буквоед невольный и шутник.
Полистав невнятицы беспечной, помусолив пальцами язык,
Свет страниц и жизни скоротечной, только дразнит, манит и дерзит.
Как и ты, я из такой же касты, как тебя ведет меня строка.
Сызмала с изъяном языкастый, выжить чтоб, сойду за дурака.
Путь из букв чарующий и вечный, в сонмище сюжетов заводных.
Ощути со мной толчок сердечный, в типографских знаках выходных.
Не вопрос, что важен вес таланта, хоть бамбук кури, а хоть кальян,
Не отыщешь в чтиве бриллианта безвременья штопая изъян.
Дай мне книгу не прочтенной неги, в той, где запах есть и вкус и звук,
Где в степи горланят печенег, лица отражают смену мук.
Так иди за мной дорогой страстной и над суетою поднимись,
Чтоб навсегда строкою красной, начинался жизни строгий смысл.

ПЕРЕДОВИЦА

ЛЭП чернеют на закате
Среди просеки, к реке
Свет последний солнце тратит,
Исчезая налегке.

Спит ржавеющий бульдозер,
Вахта брошена в тоске,
И душа в анабиозе
На сухом речном песке.

Острый ветер производства
Двинет крана рычаги,
Трудовое первородство
Загудит среди тайги.

И в платке явившись красном,
Крановщица знатна вся,

Миражом скользит прекрасным,
Колыхая телеса.

Жизнь былая с убежденьем
Ставит памяти вопрос,
Тлен мешая с вождельем
В лязге тросов и колес.

Снова оживают лица,
Кочегарный запах мест,
А в башке – передовица
С запозданьем мысли ест.

ЛАМПАДА

Снег весенний к полудню растает,
В избу новый придет человек,
Проворонил я воронов стаю,
Потерял дорогой оберег.

Время выкажет тьму и длинноты,
Заклиная пронзает насквозь,
Не излечат дела и заботы,
Все нелепо до одури, врозь.

Печь белили, а в доме разлады,
Не зовут и не примут к столу,
Не зажгут потемневшей лампы
Под иконою в красном углу.

ПРЕРВАННЫЙ УРОК

Белый след от самолета.
Лишь мелькнул и был таков.
День нахмурено измотан
от прохлады облаков.

Но земля еще сухая,
Пахнет вечностью тоски,
И стучит не затихая
Кровь в белесые виски.

Медсестра, явившись в белом,
Как судьба, склонившись ниц,
Вводит в вену, оробело,
Капельницы жесткий шприц.

От окна бежит, ветвями
Исцарапанный простор,
Не меняемый веками,
Не осознан до сих пор.

Жизнь, она такая малость,
Гибельный дозреет срок,
Злость прошла, а грусть осталась,
Будто прерванный урок.

ЛИСТВА

Листвы расплеснутой истома,
Сродни усталости скупой.
Туман висит над крышей дома,
С неумолимостью слепой.

Тепло бездельное кочует
Синеет стен саман сырой,
И только сердце остро чует
Причуды перемен, порой.

Что вижу там, в глуши послушной?
Чем даль еще напоена?
Прозрачнее и равнодушной,
Сама в себя глядит она.

РАННИМ УТРОМ

Ранним утром воздух тонок,
Жизнь к окошку подошла,
Плачет за стеной ребенок
Чуть слышны колокола.

Музыка идет кругами,
Чувственно осмыслит час,
День нетвердыми ногами
Бережно тревожит нас.

Мы обязаны, бесспорно,
Слушать этот звукоряд,
Заполняющий просторы,
Что светилом затворят.

И вторгается бескрайний,
Жертвенный, упрямый зов.
Будто прикоснулся к тайне
Недосказанности слов.

Так неуловима нежность,
Горизонт затих, разделет,
Робкую нагую свежесть,
Отдает неяркий свет.

ПУТЬ

Ни конца и не начала, мир, потерянный в словах.
Лишь молчание причала, а на лицах прежний страх.
Неужели в мыслях темных, распадается страна
И глядит из мест укромных коллективный сатана.
Поменяв местами части, не винить и вопрошать,
Темные скрижали власти, не дающие дышать.
Август беды напрогочит, зелени пустой погост,
Вам, живущим, между прочим, оскоромившимся в пост.
Но когда во время оно, знаешь одолений суть,
И глядишь в знамений лоно, но и там не видишь путь.
Дерзновенно и у неба, обязательно спрошу:
– Есть ли жертвенная треба, или я зачем дышу?

МИРОЗДАНИЕ

День отмечен водой снеговой,
Слякоть стынет зимы – недотроги,
Засыпающий мир нулевой,
Только вечность зевнет на пороге.
Да, она мне на вырост дана,
Угловата, смертельно упряма.
И качается гробом страна,
Опускаясь в глубокую яму.
Если путь, то недолгий и злой,
Среди бед и бунтующих оргий,
Даже воздух – крамольный разлом,
Поднебесною болью издерган.
Нет пути, оглянуться не смей,
Сквозь разрывы веков, волхованья,
Исчезаю в холодном огне
Долгой сутры твоей, мирозданье.

ХУДОЖНИК

Пиши пейзаж по оргалиту, небритый человек-чудак,
Пока сюжеты не избиты, и вдохновение – просто так!
Оно всегда придет некстати, как только погасили свет.
Средь ночи подскочи с кровати, в трусах, скорее за мольберт!
Каким же озареньем дорог момента полуночный блиц

Среди фанерных переборок, под запах жареных яиц?
Изобрази, средь гор, на блюде, со ртом раскрытым до ушей
Себя, сидящем на верблюде, где сердце – красная мишень.
Держи прозренья в черном теле, рука тверда и не дрожит,
А время вкушено, на деле, огрызком яблока лежит.
Есть в живописца тихой жизни, период сумрачный, когда,
Он, при здоровом организме, боится Страшного суда.
Он ничего не знает толком и горькую с анисом пьет,
И на супругу смотрит волком, а иногда посуду бьет.
Те, первобытные дремоты, его рождает в страхе кисть,
Чтобы души занять пустоты, где краски сдержанно сошлись.

КАПЕЛЬ

Отстучала капель по карнизу,
Возразим же прогнозам, когда,
Снег вокруг ноздреватый и сизый,
Если оттепель – просто вода.

Хмурый день по окраинам бродит,
Грустный холод бежит по виску,
Стало тело подвластно погоде,
Ломота загоняет в тоску.

Лишь толчок отрезвляет сердечный,
Да забор, что кварталом бежит,
И невнятицы выплеск беспечный,
Примирительно миг окружит.

Окружит и печалью короткой,
Отрезвит, обозначив покой,
Аспирин, запиваемый водкой,
Озлобленье болезни глухой.

ПАМЯТЬ

Краса не ярка, не досадуй,
Округа в чувствах не вольна.
Среди заброшенного сада,
Спадет обиды пелена.

Событья связывают нити,
Невидимые, а потом,
Воссоздан будет из наитий,
Туман в мерцанье слюдяном.

Когда неосторожность вздоха,
Оставит ветра след сквозной,

Уйдет прекрасная эпоха,
Как выбор гордый и земной.

Лишь тени мечутся отпето,
И не о чем жалеть, рыдать.
Накатится макушка лета,
В надежде память оправдать.

ИСПЫТАНЬЕ

С успехом благостно свиданье, не оборви событий нить –
Тебе готовят испытанье – меж новых поколений жить.
Тревожа замысел отдельный, ищи гармоний ржавый ключ,
Не расплескав сосуд скудельный, ступай, себя тропую мучь.
Где дней затерянные числа честнее брошенных знамен,
Пусть вызревает семя смысла среди новых песен и племен.
Скользя по хлюпающей грязи, лишь имя верности шепча,
Непостижимость кровной связи – всегда горящая свеча.
И пусть явившись в отрешенье не совершенен этот век.
Но он дарован в утешенье, тебе, упрямый, имярек.

НОВОСТЬ

Я, ожиданьем долгим новость, тобой наказан, но пока
за узнанную бестолковость, за откровенье языка.
Здесь жажда мира изначальна, она из множества причин,
Лишь по фигуре умолчанья не признает своих личин.
Себя впечатав в это действие, гляди со стороны теперь,
На радость с примесью злодейства, соизмеряя смысл потерь.
Газетная скупая строчка вдруг обнадежит, только в чем?
Поставленная жирно точка искомым выглядит ключом.
Будь точен стадным чувством, нытик, и успевать сумеи везде,
Чтоб глаз яичницы не вытек, шипящий на сковороде.
Ум краденый бывает скроен нелепо, но крепка стропа,
Что делает тебя героем, как только не придет толпа.
Она заботится о главном, ей нужен только скорый суд.
Судьбу решающие камни все также глупо раздадут.

ДЕНЬ ПЕРЕБИРАЕТ

В жидкой мгле собаки лают,
Мерзнет молодость в снегу,
Скупю день перебирает
То затишье, то пургу.

Существуешь в этой нише,
А небытие – взамен.

Почему и сложно слышать,
Жесткий рокот перемен.

Уходя, оставишь малость –
Право возвращенья лишь,
заменив любовь на жалость,
Жизнь нескучную продлишь.

Воздухом дыши свободным,
Отдохнув от прежних нег.
То бластной, а то безродный,
Далеко искрится снег.

РАССТАВАНИЕ

Тяжела расставания небыль,
Не спеши уезжать в чьи-то сны.
Погляди в неподъемное небо,
Устрашившись его глубины.

Стол чужой и от праздника грубый,
Делишь хлеб, да не с теми, не впрок.
Ночь целует, и влажные губы
Разомкнет сигаретный дымок.

Давит плечи зеркальная робость,
Жгут для шеи держу про запас,
Но меж нами сакральна пропасть
Не должна пролегать в этот час.

Расставанье – безвременья строчка,
Промелькнет и погаснет в дали,
Остаюсь я с собою – и точка!
В темном небе и не у земли.

ВЕЧНОСТЬ

Никак не умолкает день,
Давно растроченный словами.
Весна, рассыпанную тень,
Уносит грязными дворами.

Глотни же воздуха вздохом,
Где дух смолы цветущих вишен,
И охлаждает потом лоб,
Мысль, что теперь отмечен свыше.

Пойми, весна всегда права,
На лицах смена настроенья.
Основой совести жива,
Природа жаждет обновленья!

Оставим дню угрюмый вид,
В нем вечность косвенно задета,
Беспечно на скамейке спит,
Укрывшись утренней газетой.

КАНАТОХОДЕЦ

Пунктир колеблется каната,
Дома качаются внизу,
Разложенная снега вата –
Бельмом на голубом глазу.

Наверно неба слишком много,
Когда в желании простом,
На шелковой ладони Бога
Искать баланс большим шестом?!

Но ты, доверившийся хватке,
Подспудно презираешь тех,
Чья жизнь, незыблема под пяткой,
И жаждет воздаянья грех.

Толпа третирует пророка,
Восторг сознание бередит.
И высчитав шаги до срока,
Смерть оставляешь позади.

ПРИВЫЧКА ЖИЗНИ

Неспешный изморози хруст,
Распахнутые в зиму ставни,
И горизонт белесо пуст,
С простудой нудною на равных.

Мир неизбежностью разут,
Смирился, холодом немея.
Сверкая, медленно ползут,
Дорогой ледяные змеи.

Пружинит деревянный мост,
Поблескивая мертво ртутью.
И день неизъяснимо прост
И давит непреложной сутью.

Зачем тогда подкожный жар,
Где явь уныла и ничтожна?!
Светила равнодушный шар
Листает индеVELO воздух.

Но зрелищ требует простор,
Дни сумрачны, часы капризны.
Стоит с проплешинами бор.
А что еще? Привычка жизни.

НОВЫЙ ДЕНЬ

В стеклянной шапке фонаря
В дожде дымился свет,
И молодым теплом заря
Оставила свой след.
Не укоряй весну опять
Излишками пустот.
Не повернется время вспять,
Сойдя с благих высот.
Тлетворный световой поток
Людей не огорчал,
Как воли утренней глоток –
Начало всех начал.
Приняв участие в ворожбе,
Нахохлился простор,
И пусть живет он сам в себе,
Открыв небесный створ.
Так не сведи с ума, ей-ей,
Истерзанная тень!
Возникнет, нежного важней,
Весенний новый день.

НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

Гляди на стройку, значит, зорко, в оба, бетонный цепко оценив каркас,
Незавершенность – глупая особа, но держится достойно, без прикрас.
Вот котлован, на самом дне смиренья, в нем техника грустит в параличе,
Татуировкой сизое прозренья у бригадира на крутом плече.
Противный карлик поселился в кране, лицо изображает смену мук.
Над будкой разбежавшейся охраны болтается пустой облезлый крюк.
Сквозняк проект упоминает всеу, капустную с купюр стряхнувши тлю.
В догадках скверных бытие рисует инвестора, надевшего петлю.
Застыл раствор, не пригодился опыт, обеденная скука, колбаса.
Рабочей смены своевольный ропот отправлен непечатно в небеса.
Замазкой зашпаклеван влажный запах, но он везде мистически проник.

Кобель, как день, стоит на задних лапах, непобедимо высунув язык.
Строителей заботы, будто выпас идей, что зодчий воплотить взалкал.
...Из времени любого можно выпасть, сказав, что Бог несчастного толкал.

СТРАХ

Взойдет травы рубаха не по росту,
Знаменье свыше вновь придет за мной.
Упряма память – грубая короста,
Не совладать с ней, выкормыш земной.

Хватать губами воздух хрипловатый,
Прислушиваться к голосам страстей,
С кем хлеб делил, а грусть была расплатой,
Умножившая сущности вещей.

Все ждал ответа, не имея цели,
Господь, так торопливы дни твои!
Босому проходимцу знать тебе ли,
Живительный, пьянящий ток крови!

Он будоражит, будит терпеливо,
И сон и явь – печали долгий взмах.
Призыв прилива и ответ отлива,
И в круге первом драгоценный страх.

ПРИТИХШИЙ ДВОР

Притихший двор щекочет привкус гари, грузовика дощатый пылен кузов,
Сосед завозит мебель, благодарен, семейные скрепить покупкой узы.
Он на полу считает фурнитуру, крепеж, сверяя с чертежом фабричным,
И гладит по головке дочку – дуру на кухне, в стойком запахе яичном.
С автобусной подножки вечер спрыгнул, считает небо мартовские иды,
В лото играют дети, спины выгнув, копеечной фортуне не завидуй.
Но я – свидетель: есть, однако, ласка, не убежит с топчана день в безделье.
На половицах облупилась краска, нет ссор, но нервы явно на пределе.
Да, я – свидетель этих одиночеств, судеб простых и ординарных жизней,
Таких же, как стандартность наших зодчеств, где в старости и праздники капризней.
Пар из подвала, запах теплотрассы, задворок вид плешив, прямоуголен,
Дождь ест сугробы и критичность массы, в несовершенстве мира копит волю.

КРАСНЫМ КУМАЧОМ

В захолустье образ спрятанный,
Веселись, однако, голь,
Цех сошел с ума перчаточный,
А лекала съела моль.

Где же песня величальная,
Праздник на одной ноге?
Что ни баба – то печальная,
Что ни труд – на утюге!

Вот почет – доска плешивая,
Дышит красным кумачом.
Ждут мужья на ужин, вшивые
И капуста с первачом.

Трудодней бардачна разница,
Как пустой стучит орех.
Не того, а только дразнится,
Вводит, понимаешь, в грех.

Им бы неги, им бы мяготи,
Хоть какой-нибудь уют!
Нет, идут в калошной слякоти.
Прямиком на Страшный суд.

МГНОВЕНЬЕ

Зло, цепко, кадром разграничил
Деревья, зарево и дым.
Бессмыслица фотогенична,
Фотограф этим уязвим.

Под зонтиком – линиялой крышей,
Сосредоточен, угловат.
Выходит тень из серой ниши,
Надейся, что надолго, брат!

Мгновенье чиркнет в эпатаже,
В формат замкнется цифровой,
Еще невидимы пейзажи,
Детали в данности живой.

Возникновенье тянет выю
Створ распахнет печаль ее,
И выпадет в периферию,
За явью – инобытие.

ЗУММЕР

Тенькай дольше утра зуммер,
У меня над головой.
На асфальте голубь умер.
Свет мелькает неживой.

Замерзающий Воронеж,
Корабельный строгий лес,
Слово скорбное уронишь –
Голубя сгубил прогресс.

Он пригрелся под машиной,
Засмотрелся на собак.
Там, где мусорный, с плешинной,
Индевет грязный бак.

Да и вправду, ветер – бритвой,
Городская даль, боса.
Вторят второпях молитву,
Сумрачные небеса.

Нежности сиротской впору,
Взглядом следовать за ним,
На асфальте мертвый голубь –
Белый, словно херувим.

РАССВЕТ

Дубеют окна на морозе,
Рассвет вдоль холода реки,
И дремлют в полусонной позе,
У темных лунок рыбаки.

Лишь нежность магниевой вспышкой,
Порою не дает дышать.
Стоишь с термометром под мышкой,
Любить, болеть – тебе решать.

Начало дня еще неволит,
Смотри в окно, ищи слова.
И выходной не обездолит,
На леность предъявив права.

Грустят скамейки с птичьим шрифтом,
Пространство сумрачно разжав.
И ветер пользуется лифтом,
В подъезды шумно забежав.

ПОТОМКИ

Выйдут на дело потомки,
Грубое слово приму.
Лучшее время – потемки,
Нет в них любви ни к кому.

А на прощанье, во веки
Ревность напутствий воздам,
Выдавлю влагу на веки –
Рвутся они из гнезда.

Врезаны в воздух деянья,
Зависти мерзлая рябь.
Юность не ждет подаянья,
Коль в подворотне – ограбь!

Время теней долговязых,
В лужах мертвеет вода.
Бережно бремя рассказа,
Остроконечна беда.

Небо – испарина смерти,
Чья-то родная судьба,
Так разгляди в круговерти
И молодого себя.

Пусть осенит наши лица
Шелест забвенья травы.
Жизнь никогда не скупиться,
На совпаденья, увы.

ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ

Игра без правил, но не сетуй, неясен путь, да и успех.
Присматриваясь к жизни этой, скажу, что жаловаться – грех.
Наверно счастлив я наивно, как в юности, да и порой,
Был звон монет в кармане дивный, и даже крылья за спиной.
Зачем же сны кромсает память, а явь стекает на покой?
Ночных витрин пустое пламя и город в снеге чуть живой.
Пустынен он, ему так надо, устал от толчеи людской,
Когда над ним победы радость нещадно смешана с тоской.
Стеклянна вечность циферблата, она расслабиться не даст.
И ночи колыбель – расплата, бессонница усталых глаз.
Бездумья шепот безъязычный ноябрьской просинью простыл.
Но это миру безразлично, круговорот его постыл.
Закинувши за плечи вехи, жди только ангела с трубой,
Когда на кон поставил эхо и трудно быть самим собой.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Тяжелых колес парохода боится речная волна.
Опомнись, какая погода? Природа разлукой больна!
Будь счастлив дорогой обратной, простерт в ней из прежних
длиннот,
За край невесомости ватной, изорванный отсвет забот.
Есть право на память о счастье, глупа и коварно вольна,
В ответ кандалы на запястьях, земная замкнет тишина.
Любить – это значит, до точки тяжелое время понять,
Найти тебя вне оболочки, фантомною болью обнять.
Одна белизна на палитре и утра туманного вид.
Минувшее явится в титрах и имя твое исключит.
И даже речные изломы моя повторяет судьба,
Я выйду из жизненной комы, которая слишком груба.
Прощальные отзвуки лета привиты свободой забот,
Под чашкой сыреет газета, последний плывет пароход.
Гудок, ощущение стресса, душа перевозданно боса,
И дождик рябою завесой с пролеском сольет небеса.

ПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Погожий день подставит плечи,
Почтовый сервер сыплет спам,
Боязнь лишиться дара речи,
Упав с утра к твоим ногам.
Но разговор о сущем вздоре,
И спорить – позабыть о сне.
Играет ветер в коридоре,
И стыд со страхом наравне.
Не хватит слов, динамик медный
Сор новых песен выдает,
Сосед с утра, с похмелья бледный,
Бесцельно лестницу метет.
Весь сор, почтовую рекламу,
В ней брэнность после запятой,
И человеческую драму,
Где норма стала – пустотой.

ВОРОТОК

Надоела вчерашняя юность,
Но посмей, удержи ее, да!
Если в стихнувшем мире подлунном
Слились в небе земля и вода.

Что же ум твой дурашливо молод?
Жизнелюбье терзает больней,
Коль закрылась бессмертия школа
С безвременной упряжкой дней?

Так придумай другую забаву,
Разменяв юбилеев пяток,
Жизнь нашла полосатый шлагбаум,
Рви крахмальный с души вороток!

ПОЧЕРК ПРОРОЧЕСТВ

Замкнуло в электропроводке,
И свет погас, и в мыслях – блуд.
Казалось бы, собрал все шмотки,
Чтобы пойти на Страшный суд.

Прости, Господь, такую вольность,
Не избежать мне этих мест,
Осталась дерзкая глагольность,
Когда свобода надоест.

Пускай откроет эти двери,
Стези чистосердечной чет.
Наш путь бессрочен и бесцелен,
Пророчеств почерк обречен.

Он без вины, и он без веры,
Бессмертья голод непростой:
Дышать, и мир глотать без меры,
Зажмурившись пред пустотой.

ВЕСИ

Рассвета головокруженье,
Когда в мерцании, окрест,
Светил нервозное движенье,
Над обезличенностью мест.
Пусть пляшут тени те и эти,
Где прядью времени, у лба
Чреда деревьев в беглом свете,
И сумрачных кустов толпа.
Где ставни мокрые со скрипом,
Пространства открывают гул,
Окно темно от недосыпа,
И ветер на росу подул.
Воспоминанья, год от года,

Идут дорогой круговой.
Но так же веет горьким медом,
На огородах перегнутой.
Где белизне своей не рады,
В душе моей скорбят поля,
Где глаз сомкнуть в тиши прохлады,
Не может голая земля.
Зачем я помню эти веси?
Где тес вокруг и лебеда,
Где состоят из некой взвеси,
Одно – и радость и беда.

ТОЧКА

Ты – нытик, так поставим точку,
С улыбкой задерем носы:
Гляди у солнца на цепочке,
Висят карманные часы!
Давай достанем из архива,
Дворовый перебор струны,
И в монохроме негатива,
Латунный инвентарь луны!
Чтоб жизни понимать феномен,
Воображенье не унять,
Стоять бы нам у звездных домен,
Почтительнее шапки снять.
Давай, мы просто балагурим,
На небе разглядим холсты,
Когда затишье перед бурей,
На расстоянии версты.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Мне – упорный ветер с юга,
Нетипичный в сентябре,
Оголенная округа,
Дождик теплый на заре.

Через заросли бурьяна,
На осенние поля,
Днями лист летит багряный,
Но тепло хранит земля.

Угасающее лето,
Тлеет черная трава,
Но какая память света,
Сквозь кусты и дерева!

Вот ручей струиться тонко,
Входит в осень, без труда.
И целует рот ребенка,
Теплая еще вода.

КАЛЕНДАРНЫЕ ДАТЫ

Не горюй, даже если труба
Наше дело, пусть будет в итоге,
Отпустившая где-то судьба,
И, увы, пониманье немногих.

Одиноко посмотришь в окно,
Понимая, что все уже было,
Этот город, в котором темно,
И зима, точно холод могилы.

Хрип сердечный пока удержи,
Изживай календарные даты,
Отступает, но только лишь жизнь,
В обретение смысла - расплаты.

ПАШНЯ

Земля жирна, земля черна,
Дымок стоит с утра над пашней,
Она упорно ждет зерна,
От жатвы отдохнув вчерашней.
Она - покой среди страстей,
Певучих и еще тревожных,
Живет надеждой новостей
И жаждой воли невозможной.
Над нею библия ветров
Гуляет и листает время.
Светило с облачных шатров
Целует тракториста в темя.
Он, как дитя, глубоким сном
Спит на промасленной бушлате.
И вечность в воздухе пустом
Сияет в конопатом злате.

ВЕТЕР БЕЗМЯТЕЖНЫЙ

Хрустела целлофана упаковка,
У августа на солнечном пути,
И высказал я громко и неловко,
Одно лишь слово позднее – прости.

И Родиною сладостно и нежно
Назвал туман, погост и лес в дымах,
Дом на холме и ветер безмятежный,
И птиц прощальный на рассвете взмах.

Вот так, меж днями радости и скорби
Каких пристанищ жаждет жизнь моя?
Что накопил в своей холщовой торбе,
Чужие верно исходив края?

Не для того и вольно и свободно,
Вверялся я далеким берегам,
Где тишина от грусти первородной
Раскинулась по утренним лугам.

ПЛЯЖ

Река сквозит теченьем вечным, день сонным маревом затаскан.
На пляже запах чебуречной, кабинки с ядовитой краской.
Хрустит песок. Далек от мысли принять скучающие дали.
На лежаках тела раскисли, и остро смотрятся детали.
Понтонный мост, зеленый остров, спасатель умножает знания,
А рядом с ним шашлычный остов с углями прежнего закланья.
Пугливой красотой подростки с перил ныряют безыскусно.
И на песке от волн полосы читаются все также устно.
Свое избранничество скомкав, купируя тоску и стрессы,
С гримасой предков и потомков пьешь пиво среди пляжной мессы.
Грустят подвыпившие панки, здесь детскость мертво выгорает.
И алюминиевые банки бомжи из урны выбирают.
Не оборвется пуповина, обет ленивости не долог,
Но прежде речки горловина в себя затянет сонный город.

КАЛЛИГРАФИЯ

Непостоянство кружит голову,
Дождем с утра укрыв края.
Вода мерцает в лужах оловом,
Вернувшись на круги своя.

Как в черно-белой фотографии
Контраст необходимо чист.
И мокрой шиной каллиграфию
Оставил велосипедист.

ИСТУКАН

Там где посвист степного аркана,
Где ветра шевелят ковыли,
Сотворил я себе истукана,
И прощенье прошу у земли.

Что ж, готовьтесь к таким переменам,
Купол неба сегодня не глух,
Потому и по каменным венам,
Я вселяю в него новый дух.

Он как молния в грозных зарницах,
Воссияет в значенье былом,
И ему перелетные птицы,
Будут бить и крылом и челом.

Пробудив известковые очи,
Очерчу я круги на воде,
И зеркальная аспидность ночи,
Отразит его здесь и нигде.

Кто еще у судьбы на примете?
Не криви же ваятель душой:
Ты такой же, ненужный на свете,
Бородатый, веселый, большой.

БЕССОННИЦА

Пока не спиться человеку в доме,
Распахнутое в ночь глядит окно,
Где город на неоновой ладони,
Уж не шумит машинами давно.

Бессонницы уклад бывает сладок,
И горек, он на кухне приумолк.
В нем есть неохраняемый порядок,
И любопытства непрощенный долг.

Прямее время обнажает грани,
Смятенья или вольной пустоты,
И движущие вереницы зданий,
И в памяти застывшие мосты.

Мы школ ночных таинственные дети,
Свой вдох и выдох примеряем зря,
Над жертвенником нового столетья,
Где под асфальт закатана земля.

Тогда как, в не покой другого рода,
С небес направив искристый поток,
До сердцевины бытия природа,
Несет любви и вольности глоток.

КРУГИ НА ВОДЕ

Себя отпустишь на свободу, чтобы не быть большой беде,
Бросая гладкий камень в воду, круги считая на воде.
Мир безграничен и покоен, ничто не лезет на рожон,
До совершенства обустроен, в воде неспешно отражен.
Я б оставался здесь, где тесно, под толщей вод не видно зги,
В единстве времени и места считать секунды и круги.
С открытым сердцем, замирая, ловить удачи тонкий ход,
Когда не видишь и не знаешь всей глубины летейских вод.

СНЕЖНЫЙ ШУМ

День изначально бел и пуст,
Но все же в настроенье славном,
Неспешный изморози хруст,
Распахнутые в зиму ставни.

И пруд окрестный поутру
Виднеется чрез занавеску,
Похож на синюю дыру.
Такой же сумрачный подлесок.

Пора подумать: кто ты есть?
Вглядевшись в зимнюю дорогу.
Отдай горячей печке честь,
Гони печаль, гони тревогу.

За форточкою снежный шум
Напоминает шум прибрежный,
Февраль – известный тугодум,
Порой доверчивый и нежный.

СМЕЩЕНИЕ ВРЕМЕН

Листва намокла в ржавой бочке,
Предзимье рощи ждать устали,
Природу разобрав до точки
Сомненья в прежнем идеале.

Недавно выглядела пышно
Растительность лаская зренье,
Теперь не видно и не слышно
Дерев живое оперенье.

Дух отрешенья тихо бродит
В болезненных, притихших далях.
Так вероятно происходит
Смещение времен в деталях.

ТОТ ЧАС

Есть смысл в природе безразличной,
В противоборстве внешних сил.
Светило солнце, но цинично
Вдруг серый дождь заморосил.

Отправил сообщение в Твиттер,
Об этом и надел тот час,
Прожжённый сигаретой свитер,
Штиблеты брата – в самый раз.

Заметил, что опять стареет,
Мир, что был молод по утру,
И отовсюду мыслью веет,
Что я совсем не так живу.

САМОЛЕТИК

Крыльцо с предутренным дымком
И ностальгией на излёте.
Дитя шершавым языком,
Бумажный клеит самолетик.
Сопит, сосредоточен весь,
Тетрадные разгладит крылья
Ладонью. Но какая взвесь
Над солнечной удержит пылью,
Из разлинованных листов
Белеющую чудо птицу!

Восторг не уходить готов,
И этот миг не повториться.
Скорей всего я с ним похож,
Невинностью иконописной,
Когда бросает снова в дрожь
Тождественность летящих мыслей.

ЛАСТОЧКИ

Гудит натруженная Волга,
Реки змеится тучный створ,
Вода не заживает долго,
В порезах от прибойных волн.

Шумы винтов и эта пристань,
На барже синяя руда,
А выше, как внезапный выстрел,
Дневная выскочит звезда.

Коричневые сохнут сети,
Озона призрачный глоток,
Бегут по мелководью дети,
Парома хрипловат гудок.

Вот память! Ей любить и плакать,
Реальность больше бережет,
В песке рыжеет ржавый якорь,
И солнце тихо плечи жжет.

Порою радиодиспетчер,
Загнет соленые слова.
И стригли антitezой вечер
В полете ласточки едва.

БАЙКА

Ночник погашен в голове
И солью тьма блестит ученой.
Во сне увидишь сразу две
Коляски колбасы копченой.

Веселых пионеров клич
Был голенастым и отважным.
Суровый, бронзовый Ильич,
Взирал на это с плотской жаждой.

Заняли деньги на пропой,
Бомжи и новостные ленты.
Костер осиновой щепой,
Разворошили диссиденты.

Несется грозное «Ура!»
Над лысой черепной коробкой,
Забор, портвейн «три топора»,
Скопилось время серной пробкой.

Я пил боржоми сколько мог,
Не поздно было вспомнить байку.
И бодрый дефицита Бог,
Напялил с модным лейблом майку.

СЕЛЬПО

В сельпо на клейкой ленте мухи,
А в бочке с дождевой водой,
Купались солнечные слухи,
И пах прилавков лебедой.

Ленивые под зноем мертвым
Пасутся поодаль бычки.
Отец в зеленых модных шортах,
Солнцезащитные очки.

Старухи сельские судачат:
– В трусах учитель, вот беда,
Да и слепой он не иначе...
Семидесятые года.

Мне девять лет и жизнь красива,
День в магазине заводной,
Индийский чай, где слоник синий,
Кальмары в банке жестяной.

Отец в ответ улыбку прячет,
За пять рублей берет коньяк,
И ничего уже не значит
Сто первый километра знак.

И репродуктор тянет песню,
О чертовом, о колесе...
Здесь гвозди и селедка вместе,
На выселках Москвы. Как все.

ЛИКИ

В степи бурьян полынью дышит,
Как август травы замесил!
Дурман акустику колышет
И насекомых жизнь явил.

Они не в празднике, а в тризне,
Себе подобными, края,
Казнят. Возня за право жизни
На низшей полке бытия.

Закат лучом от ягод дикий
Мелькнет, стыдясь от худобы,
Здесь жизнь и смерть меняют лики,
В скупых превратностях судьбы.

Как у людей здесь будет участь,
Разгул страстей, разгул скорбей,
Компьютер занесет сей случай,
В разряд обычных новостей.

Чья смерть? Метаморфозы грусти,
Кто панцирь ест врага литой?
Чей кровоток в предсердном устье,
Исторг победный вдох пустой?

Пир мира в воздухе протертом
Несет в округу, теребя.
Но где среди живых и мертвых,
Найти себя?

РЫБОЛОВ И ПТИЦЕЛОВ

Где святы голуби и дети,
Язык тех мест мне был знаком.
Орешника тугие плети,
Цвели зеленым молоком.

А рядом – зонтичные сныти,
Прохлады отдавали суть,
Благотворили цепь событий
И отворяли новый путь.

Два паренька в траве курносых,
На птиц расставлены силки,
И поплавок торчит вопросом,
В дождливом мареве реки.

Погода – дело наживное
Приносит сырость светотень.
Природа копит горстку зноя,
И наполняет смыслом день.

Реальность шлет свои законы,
И в строе дел, земных основ,
Полны торжественным резонансом
И рыболов и птицелов.

МЕТАФОРА СУДЬБЫ

От праздничной пальбы,
Смутился виночерпий.
Метафора судьбы,
Погрешностей не терпит.

Ярится душный гром,
Запрягший цугом звезды.
Где моря ровный бром,
Мертвеющий и мерзлый.

Несносное дитя,
Играет с хлебом пресным,
Жить для себя, шутя
Безумно интересно.

Но все ж имей ввиду,
Должно быть в назиданье,
На ржавую звезду
Наколото сознание.

Жары и стужи взмах
Крылом заденет ломким,
Выскальзывает прах
Из божьих пальцев тонких.

Вселенская тоска
с нелепым безобразьем,
Затихла у виска...
А заказали праздник.

БУКЕТ

В одну постель, в одну картину,
Запечатлеет ночь уют,
Цветы в растворе аспирина,
Через неделю не умрут.

Где люстры желт и пылен конус,
И в мокром завихренья май.
Бездомный вечер, то бишь, бонус,
Сухими пальцами ломай.

Налей вина, губи подругу,
Прими на грудь и благодать,
Часы по замкнутому кругу,
В тиши затекали опять.

Давно в стране зеркал разбитых,
Не праздновал, даря букет.
Мы поцелуями умыты,
И не воссозданы в ответ.

ВОДОВОРОТ

Виден подмалевок лета,
Счастья выговор сполна,
На асфальте разогретом,
Только молодость одна.
И она в бейсбольной кепке,
Часть пейзажа наугад,
Глина в вязкой божьей лепке,
Сквозь автомобильный смрад.
И всего лишь – часть пейзажа,
Обжитого просто вдрызг.
И вода летит как сажа
От сухих фонтанных брызг.
И звенит над самым ухом,
Подростковый легкий день,
На скрещенье плоти с духом,
Кверху брюхом ставя тень.
Город нов и перепончат,
Как ботаник близорук.
Вермутом теперь не потчуй,
Самомненья медный крюк.
Уж небес скрипят стропила,
Да инако смотрит свод.
Все что есть, и все что было –
Времени водоворот.

ЛЕГКИЙ ДУХ

Бывает, жизни отворяет внезапный половицы скрип,
Бессонницею измеряет, значение ее язык.
Опять заносчив и спокоен, невнятным вверишься ночам,
И только из привычек скроен венец оправданных начал.
Где крыши нет над головою от проходных дворов и ниш,
С бесхитростным и ладным строем заходит в душу эта тишь.
Здесь Млечный путь с дыханьем трудным навис в обнимку с
пустотой,
Блажен, кто мир увидел людным и наслаждался простотой.
В песке ребенок домик строит, трудом младенческим пыля,
Он этот мир сейчас откроет и окрылит его края.
Пока относит непреложно он майского жука к богам.
Здесь мудрость мира, как из ножен выхватывает ятаган.
И небо льет в глаза свой пламень, укрыта черная земля.
Умрет волна, раскрошит камень фатальность инобытия.
Идет с характером плечистым, нетленный слог и тайный знак,
Возникнет день в раздумьях чистых, уйдет не поднадзорный мрак.
Кто грешен, тот за все ответит. Шепчу как заклинанье вслух,
Про то, что безутешно светел, как радуга мой легкий дух.

РОЗЫ И РАНЫ

Прощальные титры с экрана,
Районного кинотеатра,
Любовь начинается рано
И дерзко уйдет безвозвратно.
Залетная девушка-пчелка,
Щенячьи и детские страсти,
Беретом укрытая челка,
И ночи волнующий аспид.
Прекрасна моя незнакомка,
Романов и связей предтеча,
Упрямое время вдогонку,
И лечит тебя и калечит.
Живем в этом воздухе грозном,
Летальной верою этой.
Вокруг только раны и розы.
Любовь обжигающим летом.

ПУТЬ

Тащат к Масленице тетки
Из соломы мужика.
Поглощают водку глотки
У стеклянного ларька.

Дворник с крепким перегаром
Отнимает пять минут.
И стреляет спички даром,
Нарушая мой маршрут.
В подворотне снегом брызнет,
Шум автобуса – приют,
Прыгнешь на подножку жизни,
Но уехать не дают.
А дают: мороз по коже,
Равнодушья боль и жуть,
Этот вызов непогожий
Заново творящий путь.

СЛУЧАЙНАЯ МИНУТА

Жизнь, начинаемая начерно,
Немее только от ненастья.
Лишь тихой музыкой охвачена
Случайная минута счастья.
Горячим лбом прикосновение
К окну в еще безлюдном доме,
Как одинокое растение,
В вечнозеленой, жесткой коме.
С каким пугающим безумием
Идет волна тоски и лени.
Глотаешь кофе, и угрюмее
Спиртовки голубые тени.
Пойми, что в дождь смотреть заставило
На рябь размытых силуэтов.
Судьба игрой меняет правила
И убивает это лето.

СТРОКИ

Вначале был эскиз дороги,
Унылы помыслы, черствы.
Слетевший в сентябре под ноги
Дождь, с прелым запахом листвы.
В природе некие качели –
Уходишь ввысь – тяни мыски.
Осенний недостаток зелени
Внезапно охладит виски.
Теперь разрешено молчание,
И смерть под этой теснотой
И антитезой. Величальный
Вздых мира ясный и простой.
Отныне небеса, как соты,

Полны остывшею водой.
Обнажены, стоят широты
В единоборстве с высотой.
Надежда и дорога к дому,
Любви бессмертной краткий рок...
Вот так, от сложного к простому,
Идет забвенье вечных строк.

КОРАБЛИКИ

Звенят стаканы в подстаканниках,
Зеленый золотистый чай,
Ты едешь в поезде избранником,
И дремлешь, сидя, невзначай.
В купе, по коридору мокрому
Мелькают отсветы окон,
Леса за солнечными стеклами
Обогащают лексикон.
На лицах тени сложным рубчиком,
Не новая колода карт,
Простое бытие попутчиков,
Разгар июня и азарт.
И почему-то пахнет яблоком,
Во всем подвижный этот свет,
В котором мастерит кораблики
Ребенок из сырых газет.

ЧЕРТЫ

Вокзал украшают большие куранты,
Делец надувает у входа шары,
Баулы несут трудовые мигранты.
На нас азиатские смотрят миры.

Черты родовые и бремя отметин,
И нового ига мифический страх.
Отечества дым неказист и конкретен –
Листву прошлогоднюю жгут во дворах.

Сухие сидят лимонадные осы
На стенах буфета, и пахнет грозой.
Очкарик в айфон посылает вопросы,
Осклизлый жует бутерброд с колбасой.

Являлись мечты в золотистом загаре,
Казалось, удача опять в рукаве,
Кипела сирень на вокзальном бульваре,
Цыгане ругались на пыльной траве.

Смешались события и дни – эпигоны,
И, слез не стесняясь своих на лице,
Я думал о счастье. Толпились вагоны,
Былые черты уместая в столбце.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Ржавый бот на краю волнореза,
Исковерканный грудой камней,
И мистический привкус железа,
Шум прибоя и суетность дней.
От невзгод разрешая столетья,
К безвозвратному ключ подберу,
Там, где скалы свои междометья
Доверяют ветрам поутру.
Жизнь дает предпочтенье победам,
Возрождаясь в пришедшей волне,
А стихия, безумья изведав,
Подчиняет себя новизне.
Побережью и морю не слиться,
Только память несет этот сплав.
Лишь любовь раздвигает границы
В обладаемом перечне прав.

ЧЕРТЫ ЛИЦА

Свечою через черное стекло
Изба еще светила слеповато.
Что в памяти опять заволочло
Черты лица, иль горечь от утраты?
И запах яблок, и тепло печи,
Простуда и рябины мокрой грозди.
Среди дождя упрятаны в ночи
Раскаты грома – кованые гвозди.
Они как знаки ясные в судьбе,
И жизни наши двуедины – обе.
А чувства равноценные в тебе,
На время совпадений и подобий.

ОСНОВА

Весенних лесов акварели,
Желание быть молодым.
В пространстве одни параллели,
Отечества сумрачный дым.

Смотри и возьми за основу,
Плакучие ивы весной,
И в сущности круга земного –
Ход тайны и светоч иной.

Скрипенье на речке уключин,
Безвременно, зябко. Со мной
одна лишь надежда на лучшее
По стрелке идет часовой.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Летающий шум от миро сотворенья,
Из космоса до ветреного дня.
Я знал слова печали и забвенья,
Но думал: это все не про меня.

Из комнаты, откуда убежали
Года в стекло и залегли во тьме,
На мрачные панельные скрижали,
Пятиэтажек в тихой стороне.

У времени – замашки святотатца,
Бредущего, на миражи огней.
В желании скитаться и расстаться,
Среди бетона, ветра и камней.

Так, где живут, согласные стихии
И ломаются от праздников столы?
Рога, где поднимая золотые,
Бредут в тиши библейские волы?

Где вечности отпляшут на потребу,
Порой до крови закусив губу,
И где порой ломает стены небо
Гудя в Иерихонскую трубу.

Там произносят тайное известье,
Оно и есть краеугольный пласт,
Земной дороги тяжелой, перекрестье,
Сжимает нас и проникает в нас.

ВОЗРОДИВ ОГОНЬ

Возродив огонь из сажи,
Сотворив еще чудес,

Никому не скажешь даже,
Что и сам теплом воскрес.
Пламя языками чалит,
Треск костра почти затих,
В толкование печалей,
Или радостей благих.
Обостряет восприятие,
Познавать явления суть,
Это странное занятие –
Изучать лучистый путь.
Жить бы дальше не по числам,
По законам естества,
Даль и тьму наполнив смыслом
Одинокого костра.

В РОДИМЫЙ ДОМ

Желанье к берегу прибиться
Отечества, к его ветрам,
Когда вокруг темна водица,
И в паспорте чернильный штамп.
Воспоминаньем не оплакан,
Среди печалей и тревог,
Отмечен только тайным знаком,
Тебя ведет родной порог.
В родимый дом с омытой крышей,
Дождем предутренним дыша,
Где все милей и небо выше,
И про себя поет душа.

ВРЕМЯ НЕ СПЕШИТ

Событья происходят не со мной –
Из подворотни пахнет шавермой,
Там человек с пластмассовой вилкой,
О чем-то говорит с библиофилкой.
А небо, как синюшное яйцо,
В витрине шевелит его лицо.
Обескуражат пластик и неон,
Утопией великой затенен,
В умах лишь существует город этот,
И хрупкий мир сознанием раздетый,
Являясь в каждодневной новизне,
Напоминая, существуешь вне
событий, что невнятно и блаженно,
Смысл обретают с каждой переменной,
И каждой миной на мгновенье шит,
И час и день. Но время не спешит...

ЦВЕТОК ЗЕЛЕНЬЙ

Жизнь устает печали мерить,
И толковать приметы в путь,
Туда где створчатые двери
Успеют времена сомкнуть.
Запомни, в этот век железный,
Пока еще ты молодой,
Дни вытекаю бесполезно
Из крана жесткою водой.
Где распадаются в пределах,
Уходят в наважденье прочь,
Тобой и вечностью, без дела,
Читаемые день и ночь.
Пусть млечный путь нависнет кроной,
Над миром, что ужасно прост;
Где в вечности уединенной,
Цветок зеленый и погост.

ЕСЛИ ЕЩЕ МЫ ЛЮБИМЫ

В радуге стекла кабины,
Только промыты дождем.
Если еще мы любимы –
Только дороги и ждем.
Речка сверкающей лентой,
Шорох колес по шоссе.
Пахнувший мокрым брезентом,
Лес, луговина и все:
дни, удержавшие лето,
Светлое небо захлеб,
Память горчичного цвета,
В золоте августа лоб.

КРАЙ ЗЕМЛИ

Когда лиловым пузом море,
И девка пришлая – судьба,
И жизнь уже полна историй,
С одним названием – труба!

Гнетуще упрощая строгость,
Лежать простертым на песке,
Бесцеремонно память трогать
В долгоиграющей тоске.

Вокруг в обзоре схематичном,
Средь виноградников и гор,
Вдохнув свободы безразличной,
В морскую даль смотреть в упор.

Пляж – автоклав и место встречи,
Где четко виден край земли.
Пусть врут вокруг, что время лечит,
Оно плывет, как корабли.

МОЛЬБЫ

Для жатвы правит серп брусок,
Жуки в стерне чернеют хлебники,
Молитвы смысл, непостижим, высок,
Ну, а для Бога не нужны посредники.

Дневная печь сияет добела,
И рот открыт в пространства ярус,
Пастух прогонит стадо в зеркала,
Лугов зеленых, травяную заросль.

А кто здесь я? Рассыпавший песок,
В рассеянной своей неосторожности,
Иль жизни слой стесал наискосок,
Кривым, садовым ножиком безбожности?

Пытливый странник, избранный изгой,
Из тонкой ивы смастеривший дудочку,
Часы и дни смеются над тобой,
Над отношеньем к бытию рассудочным.

Так наугад, стремнинами судьбы,
Воды по камням вечное течение.
Творец, конечно, слышит все мольбы,
И не оставит их без попеченья.

НЕ ОТДАВАЙ

Промчалась жизнь в известном шуме-гаме,
Забылись разом дружба и вражда,
Играешь роль в одной нехитрой драме,
Но кто тебя на этой сцене ждал?!

Едва начав, бросал любое дело,
В неутолимых путаясь страстях,

Как атеист, плясал, остервенело,
На хрупких человеческих костях.

В каких краях, под звездными венками,
Являлась непреклонность бытия?
Дороги обращались тупиками,
В трясине пропадала колея.

Не отдавай, чего бы ни просили,
А накопи в душе и преумножь,
Страданья, что дождями моросили,
Или сияли, словно медный грош.

ВЕСНА ОТКРОЕТ

Весна откроет на сугробах поры,
Тяжелый снег устал и ноздреват,
Людские надоели разговоры,
Как паузы, чем календарь богат.

Уже фонарь командует закатом,
На белом открывая желтый глаз,
Творец – художник в это время краток,
И размышляет вовсе не о нас.

Со снегом дождь идет. Таксомоторы,
Скользят, сигналив, только воздух юн,
Запотевают окна, на которых,
Весна напишет пальцем пару рун.

Зачем лакуны сотворит природа,
Те, что недостоверностью легки?
И время возникает ниоткуда,
Как обещанья, письма и звонки.

ЗВЕЗДА

Пищит свирелью коляда
И в инее березы – свечки,
Стол накрывают, суета,
И мерзлые дрова у печки.

Полны причуды и тоски,
На рождество хмельные гости,
И время теплые носки
Спешит надеть уже от злости.

Душа решит начать с обнов,
И прорисован мыслью тонко,
Гадалками порядок снов,
Расплавлен воск от свечек звонко.

Бессонницу не обмануть,
Уходить праздник тихой притчей.
Событий, откровений суть,
Рождественской звезды величье.

ОПЛАВЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ

Оплавленные солнцем перелески,
Уютные березы вдоль дорог,
И жизнь дает еще эмоций всплески,
Напоминая – есть родной порог.

Природы несмышлёный универсум,
Багрово облака берет на раз,
Определив невольно мир отверстый,
На радужную оболочку глаз.

В томлении затихший мир окрестный,
В пернатом оперении цветном.
В единстве вер и в миге бессловесном,
Виясь по древу, в мыслях о былом.

ВЫСОТА

Самолет уходит на глиссаду.
Описав над полосой лассо,
Наледь разбивается с досадой,
Взрывами, уйдя под колесо.

Страха нет. Тревожно, если честно,
Заложило уши невзначай,
Легкое, освобождая кресло,
Унесешь в себе небес печаль.

Человек бывает несвободен –
Время разговаривать с людьми,
Смена стран, почти как смена родин,
У тебя какая впереди?

Карма неизбывных расстояний,
На губах красивых стюардесс.

Высота полна земных деяний,
Непреодолим высокий стресс.

ОМУТ ВРЕМЕН

Проснешься, поймешь, что и жизнь не такая плохая,
Февральские тени толкуют полночную явь,
И воздух морозный, проверочным словом вдыхая,
Судьбу принимает, и чувствуешь горькую связь.
Приходит сиротски она, в измерении плоском,
Безвестно, телесно, не помня событий, имен.
И только сугробы стоят оплывающим воском,
И радостно память нацелена в омут времен.

ЗВЕЗДНАЯ РЕКА

Ушла отчаянная даль,
Фосфоресцируя впотьмах,
Доступен птицам каждый взмах,
А мне и радость и печаль.

Сумерничать пора в снегах,
Когда в окне видна судьба,
И у нее еще в гостях,
Печная, теплая труба.

Луны сиянье и в разнос,
Вселенской копоты века,
Целуя небеса в засос,
Струится звездная река.

КУЗНЕЧИК

Из какой ты глины вымесил,
Бытие, пейзаж вторичный?
Травостой, другие примеси.
И кузнечик звонкий, личный.

Из октав прилива сотканный,
Побеждающий пространство,
Только радостными нотами,
Ощущеньем постоянства.

Зной стоит в себе уверенный,
Гладит мир багровой дланью.

Но в траве, в ленивой зелени,
Вензель спрятан умиранья.

ПАМЯТЬ

Пусть вечер под стрельчатой аркой,
В твоём космическом углу,
Досадной выглядит помаркой,
Или беспомощностью глуп.

Воспоминанья преданы огласке,
Себя кори и гневно восклицай,
А коли подал тайное без маски,
Не урони, не изменяй лица.

Что память? Пыльный слад, пакгауз,
Логистика забытых новостей,
Над ней невыносимый привкус пауз,
И сны мои, и явь и пыл страстей.

СУПЕРМАРКЕТ

По утрам легкий дым с теплотрассы,
В супермаркет спешащий народ.
В упаковочном рае пластмассы,
Покупателей время крадет.

Сквозь красоту рекламной картинки,
Возникает без всяких затей,
Целый лес равнодушный инстинктов,
Время скрытых эмоций, страстей.

Жизни истина, вот она, рядом,
Даже сдачи скучающе сдаст.
Продавщицы блуждающим взглядом,
Ретушируют лица у касс.

Пусть звенят турникетные рамы,
Предсказуем поток новостей –
Обязательно выскочат замуж,
Нарожают успешных детей.

Не беда если сердце разбито,
Обустроят навязчивый быт,
Наберут невозвратных кредитов,
И привычкою сделают стыд.

В потребительском счастье гипноза,
От духовного мир отрешен,
Легкой жизни суровая проза
И сплошной летаргический сон.

КАМЕННАЯ БАБА

Под дождем, глухим, раскосым,
Грозовой ярился фронт,
Степь кренилась под колеса,
Искажая горизонт.

В ковыле, через ухабы,
Сквозь тысячелетий тьму,
Смотрит каменная баба,
Неподвластна никому.

Как внезапное явление,
Что мерещится вдали,
Будто бы столпотворенье,
Выросло из-под земли.

Кто ее покой разбудит?
Страх вокруг заночевал.
Серы каменные груди,
Строг лица пустой овал.

Небеса идут багровой,
И опять берут свое,
Звон мечей и брызги крови,
Слез гранитных забытье.

Дым становий в поле диком,
Крик поверженных врагов...
Время думать о великом,
И чужих свергать богов.

ЗИМА ЧИТАЛАСЬ МЕЖДУ СТРОК

Метель секла глаза крупую,
Зима читалась между строк,
Промерзлой фразою скупую,
Февраль усталый, холод в срок.

Сменяя временем пароли,
Отягощенных не свобод,
С избытком немоты и боли,
Держался вьюжный небосвод.

Неразличим, как этот вечер,
Но пусть он в таинство сведет,
Чтоб звездным говорить наречьем,
Дыханием царапать лед.

БЕСЕДА

Был зимний вечер – непоседа,
Вниманьям благосклонным чужд,
И лишь полночная беседа,
Коньячную глушила суш.
И сухость холода от окон,
Мешала слову потому,
Что подводила встречу к сроку,
Опять остаться одному.
Иди, вот ночь, беседу помня,
Подошвами листву и снег,
Мешая в этот мир бездомный,
Ища потерянный ночлег.
Еще есть призрачность уюта,
Еще есть света немота,
На улицах, где веет люто,
Потерянное возмещая? Да.

ЗНАК

Окно темно в москитной сетке,
Усиливая слепоту,
Зеленые раскинув ветки,
Растут деревья в пустоту.
И, кажется, что нет предела,
Напору жизни, сгинул мрак.
Как будто памятью был сделан,
Был этот выбор, подан знак.

РОЖДЕСТВО

Снега метут в замшелый ельник,
На лики пал небесный свет,
Идет рождественский сочельник,
В золотые вѣсы разодеет.

Стекло под теплою ладонью,
Оттаѣт в ласковые дни.
И праздник бережит гармонию,
Тревожит сельские огни.

Еще не чудо, просто будни,
Сейчас войдут волхвы под кров,
Младенца шелковые кудри,
И снова победит любовь.

Земля становится просторней,
Не спит Мария до поры,
Покой великий в мире горнем,
Дает чудесные дары.

В хлеву соломы колкий воздух,
Овчина, ясли, полумгла,
Чернеют мокротою ноздри,
Неравнодушного вола.

И ничего еще не значит,
Рожденья таинство, когда,
Незримый ангел тихо плачет
От счастья и горит звезда.

У ВОДЫ

У воды замирает душа,
Единение мира в деталях,
Серебристые рыбы спеша,
Невысокие волны латали.

В гребнях был зачарованный взмах,
Убыванием силы растянут.
В расстояньях они и в годах,
Путь воды – это путь к океану.

Легкой пены холодный покров,
Глубины сохранит бессловесность.
Вот оно – единенье миров,
Бытия преломляющих пресность.

СУЩНОСТЬ

Сущность морской волны –
Возродиться каждые семь секунд.
Еще моря глубиной полны,
А души уходят на грунт.
Движет стихией трудный инстинкт,
В горле бутылки свистит Норд-Вест,
Этот ветер никого не простит,
Но Бог не выдаст, свинья не съест.
Так рассказал мне моряк один,
Крепко держась за планширь,
Он по морю прошел невредим,
Просмолен и худ, как штырь.
Знал он девятого вала клюв,
Килем, бывало, скоблил риф,
Сущность – это сознания люфт,
Но из него рождается миф.
И семь ветров волнам в унисон,
Секундами бьют в висок,
С тех пор, как бросил «Арго» Ясон,
И он ушел в песок.
Я, возразить мореходу, не смел,
Слушал удары воды в металл,
Видал, как был горизонт бел,
Понял, что он смертельно устал.

МИР РАЗНОГОЛОСЫЙ

Уходит прочь забвенье снегопада,
Глядит вокруг, как погибает ночь,
И падает, куда бы ей не падать.
И на рассвете исчезает прочь.
Туда где флейты воздевают сосны,
Родник играет под прозрачным льдом,
Туда, где птичий мир разноголосый,
В природе обретает общий дом.
Там первый луч напоминает буер,
Порой минута замещает час...
К чему это затишье перед бурей,
И вестник счастья прямо у плеча?

ТОЛЬКО ДАЛЬ

Там, где травы подстрижены коротко,
Август воздухом крепким разъят,
Тонкий месяц, арбузною корочкой,
Источает полей аромат.

И природа привычные хлопоты,
Растворяет в небесной золе.
Голосует лишь роща безропотно,
Тихим шумом на легкой земле.

Там живут буераки тщедушные,
Тьма в обмылках глухих облаков,
Только даль и сухая отдушина,
Прносящихся мимо веков.

ГОРНИЛО

Весна кварталами скользила,
Прохладою сияла зря,
В пустых коробках магазинов,
Над запахом нашатыря.

Теперь пусть только участь делит,
Чернеющий, текущий снег,
Когда всего одна неделя,
Определяет весь контекст.

Сырой природы тихий поиск,
Бог знает, что вообразит,
Примат у мира – белый оттиск,
Озноб сквозь форточку сквозит.

Ушла пора и как подарок,
Ему на смену в дымке свет,
Еще и разговор не ярок,
И в нем другой свободы нет.

Теперь лакуны сформулируй,
Их глушь и сушь с небес сойдет,
Летя над параллельным миром,
Из трещин мокрых и пустот.

И в след сознание воспарило,
Мерилом вечности, вовне,
Где космоса искрит горнило,
В пустой сияя белизне.

ЩЕПА

Что было? Слово изречение,
И тот час зародился свет.
Примет особых назначение,
Течение библейских лет.

Возрадуюсь в тиши безветренной
Где пастушок плетет венки,
Под сенью ивы полдень жертвенный,
и волк матерый спит у ног.

Поступками не правят правила,
Ведя на узкую тропу.
Брат, повстречавший утром Авеля,
Сжимает острую щепу.

ГОЛОД ПРОСТОРА

Забывающий тех, кто однажды добры,
Были или так жизнь, бытовав, баловала.
Листопад запоздалый взрывает дворы,
В беспорядке сужая колодец квартала.

У погоды двенадцать библейских колен,
Память холода, зноя и голод простора.
Возвращающий долг межсезонью блажен,
Рассчитавшись с небесным в тот час кредитором.

У природы заимствуй громоздкой вины,
Или мелочи сущей – порывистый ветер,
Раскачавший фонарь от стены до стены,
В переменчивой тьме, в переменчивом свете.

Снег с дождем и отечество этим живи,
Где упавшая меркнет звезда земляная,
Там, где грешник не равен ушедшей любви,
Навзничь лист упадет и душа улетает.

ВИТРИНА ДНЕЙ

Витрина дней скользит сквозная,
Свершая кроткие дела,
И сила жизни коренная,
К свободе призрачной вела.
Вела, мечтами урбаниста,

Затменьем каменных торцов,
И в такт гремел трамвай искристо,
В небытие, везя глупцов.
Так трудно проявляет время,
Где поколений краток путь.
Рациональностью явлений
И утлый дым над крышей – суть.
Он, как и все – стремится в небо,
К неведенью и простоте.
В снегах России боль и бремя,
И поиск смысла в суете.

ЯВЛЕНИЕ СВЕТА

Побережье сглатывает сушу,
В беспорядке, долго и легко,
И округа существует глуше,
Распахнув тумана молоко.

Август, спешно выгораю травы,
И тревогой дышит из фрамуг,
Данность, над которой нет управы,
Неприкаян жизни строгий круг.

Зябкая безвременья примета,
Плавное падение листа,
Нет в ней зла, а лишь явление света,
Первозданность, тайна, нагота.

МИР ПОЛЕЙ

Так всегда, среди мокрого мрака,
Занавесы раздвинув дождей.
В одичавших, таинственных злаках,
Мир полей так хорош без людей.

Беспризорное теплиться сходство,
Выбирай, что теперь замечать,
Пустотой и тревожным сиротством,
Отразиться на сердце печать.

И займы эти дали отвесно,
В перебежке лесистых стволов,
Только выглядят голо и пресно,
Подбирая торжественность слов.

ОБЕЩАННОЕ МИРОЗДАНИЕ

Без суеты, без остановки,
Ты начинаешь новый путь,
Есть шанс теперь в иной тракторке,
В запреты прошлого взглянуть.

Пока твой дух в дороге, в силе,
Найти порядок нужных схем,
Меня простым вещам учили,
Что в мире нет запретных тем.

Трепещешь на ветру тростинкой,
Держась лишь духом молодым,
Пусть хлюпает вода в ботинках,
Идешь и нищим и больным.

И так, не поднимая вежды,
Утратами сейчас умен,
Ловлю беспечные надежды,
Перебирая свод имен.

Обещанное мироздание,
Два перекрестья, два крыла,
Летающие под ними зданья,
Где жизнь размеренно текла.

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Время – деньги, обратный отсчет,
Невозвратности сумрачный признак,
И само бытие отсечет,
Полюсов колебанье капризных.

Да и разве тебе по плечу,
Сбросить шум городской, инородца,
Будет легче насрать саранчу,
Осушить вековые колодцы.

Тем, кому по регалиям класть,
И обкрадывать сирую вечность,
Бесполезны: имущество, власть,
В оправдании только беспечность.

Вдруг становится просто, когда,
Знаешь, видишь, у жизни не просишь,
И шумят над тобой провода,
Подчеркнувшие голую осень.

ЧЕРНОВИК

Жизнь – черновик еще беспечный,
Свободным правилом письма,
Его заполнит первый встречный,
Завяжет тонкий том тесьма.

Щепотка тайн и тайных знаний,
Качелей горизонт пустой,
Очередной ошибкой занят,
День, поросившись на постой.

Как бы предчувствие начала,
Апрель берет тепло свое,
И у соленого причала,
Полощет мокрое белье.

А там – задумчивые баржи,
Полны невысказанных слов,
В великом времени и дальше,
Бездомной силою основ.

СНЕГ УМИРАЕТ

Вдали пасхальный звон трамвая
Сырой разлет скупых теней,
И в памяти перебираю,
Пустую вереницу дней.

Лишь ноют не переставая,
Весенней остротой ветра,
Язычески переставляя,
Привычный перечень утрат.

Шепчи холодными губами,
Слова надежные весне.
Толпиться бытие горбами,
Над крышами в бульварном сне.

Снег умирает в грязных муках,
Отзывчивость, не взяв в расчет,
Запрет смотреть на город звуков,
Где время талое течет.

ИМЯ

Под перевернутою лодкой,
Уснуть небрежно на песке.
Где море дышит хриплой глоткой,
В великой, вековой тоске.

Стихии свежие повадки,
Гудят огнем далеких гроз,
Взволнован сон, тревожный, краткий,
И через щели – звездный мост.

Приходит грусть в бессильной злобе,
И отрезвив, уходит прочь,
И легким холодом свободен,
Путь забвения объяввший ночь.

НЕ В СЧЕТ

Живу без здешнего уклада,
И воздух дождевой не в счет,
Лишь только ветер, так как надо,
Листом в небытие несет.

Один среди пустынной рощи,
Где даже мысль возникнет вслух,
Что есть мучительней и проще –
Вокруг сквозной, свободный дух.

Свежа в нем мера откровений,
Мгновенья словно из крупниц,
Рассыпанные ловят тени,
Взлетающих над кроной птиц.

Пока прощальные их крики,
Небес сомнут водоворот,
В минутах этих есть безликий,
Тревожный яд земных щедрот.

ОБЛАЧНЫЙ ДЫМ

День по лицу плывет в метели,
Порядок жизни разломав,
И кажется на самом деле,
Скрипят простужено дома.

Небесным тихоходом немо,
Плывут, не ведая путей,
Не облака, а их фонемы,
Клубами снежными страстей.

И время здесь – досадный случай,
Один момент реальность смел,
Больней и жёстче, неминуемый,
Он торжествует, юн и зол.

Уходит лед в сугробов ножны,
Свет перестанет быть литым,
И глядя вверх, понять не сложно,
Что жизнь, по сути, легкий дым.

ГОРОД

В цейтноте и в чем был уверен,
Презрев молодые года,
На этот мистический берег,
Я выброшен был навсегда.

Здесь улиц ночное убранство,
Гудит и пестрит предо мной,
Легко прорубает пространство,
Беспечной своей новизной.

Мой город – таинственный остров,
Рекламным неоном сиял,
Наверно не послан, а сослан,
Коль слово, на хлеб променял.

МИНУТЫ

Бывает день, как первый шаг,
Среди осенних одеяний,
С утра твой смех звенит в ушах,
И от окна прохладой тянет.

Так нежно трогает рукав,
Случайная на сердце строчка,
И в доме соль земных октав,
Найдет чувствительную точку.

Трамвайный звон и мир открыт,
Его божественным минутам,

И даже коммунальный быт,
Здесь совершенней Абсолюта.

ПЯДЬ ЗЕМЛИ

На скамейке в любую погоду,
У слюды подмороженных луж,
Я тебя никогда не забуду,
Ледяная ноябрьская глушь.

Да и как это молвить иначе,
Если дали с морозным крестом,
Если мир не поет и не плачет,
Каждым деревом, каждым кустом.

У заката стрельнув папироску,
Пробиваясь сквозь синюю мглу.
Вижу, ждет меня память неброско,
Помолчать на кирпичном углу.

Чиркнет спичкой ломающий кашель,
Пред глазами холодный огонь,
И бездомность, как снежная каша,
Осязаема, только лишь тронь.

Замиранье и долгое вето,
Средь вселенной, на звездной мели.
Только светом незримо согрета,
Пядь сухой златоглавой земли.

ЗВЕЗДА МОЯ

Порой глаза откроешь ночью, душа в бесплотности двойкой,
Под потолком витает точно, глухим, отгородившись мраком.
В окно ворвется сходство бедное, деревьев тени, тени зданий,
Сон есть броня блестяще медная, от искушений и страданий.
Косноязычьем страхи выбиты, признания полны отравы,
Фонарным светом тени выбриты, видения обманом правы.
Понять бы жизни схемы тайные, узнать пророческие лики,
И эту тишину бескрайную, небес язвительные блики.
Живой водой, водою мертвою, вливался свет, его развилка.
Рассветной зыбкостью отчетливо, виска пульсировала жилка.
Меж сном и явью, жребий случая, в моря, в непознанные страны.
Лечи моя звезда падучая, рождаясь с каждым утром заново.

ОБЪЯТЯ ОСЕНИ

Выходишь в осени объятъя,
Простор мерцаньем мокрым слеп.
Все впитывает без изъятъя,
Сердцебиения рецепт.

Остался он в квартирке тесной,
Изжитый телом и душой,
Многоэтажный, бестелесный,
Пустой, пугающий, другой.

Среди дождей нужней и чище,
Смешенье яви с полусном,
Эмалированное днище
Небес родит предзимний гром.

Гляди, как в листопаде красном,
Судьба еще не прочь зажечь,
Округу, дым над теплотрассой,
Улыбку, годы, жесты, речь.

ДОЛЬШЕ ВЕКА

На миг сквозь годы оглянись,
Из воздуха пророс,
Трамвай, искря бегущий вниз,
Река и длинный мост.

Лежит он, как на линзе луч,
Над пляжной пляской дня,
И дня расплавленный сургуч,
Тягуч не для меня.

Столбов воздушных естество,
Очарованья прах,
Встречайте радостно его,
В полуденных парах.

На поручнях крылатый бриз,
Спокойна бездны сень,
И взгляд во времени лучист,
И дольше века – день.

ВЕРЮ

Владеть готов, целуя воздух,
Безудержно дышать в провал,
Небес, которые и создал,
Слова смеясь, вписал в овал.

Где шепот звезд и трав не прерван -
У повседневности в борьбе,
В законы стройные гипербол,
Не читаных страниц в судьбе.

Они, как нестабильный литий
Характер века не объяв,
Уходят осыпью событий,
В людьми измотанную явь.

Но я необъяснимо верю,
В округлый шум окрестных роц,
За то, что жив, по крайней мере,
И счастлив, как внезапный дождь.

В ОКТЯБРЕ

Ветер выставляет скулы,
Низвергая в октябре,
Туч тяжелые баулы,
Что теплей и подобрей.

Грешной нежностью ушедшей,
Достается бой часов.
От погоды сумасшедшей,
Вечер, ставят на засов.

За окошком мирозданьем,
Копошиться исхудав,
Окружающие зданья,
Отправляет в никуда.

На разрозненных началах,
Ныне видется ясней,
Много сердце прозевало,
В пропастях минувших дней.

Я богов прогнеблю кротко,
Постаревший глянец фото
Гладит грубая ладонь.

КЛИН

Фонарь лицо мое качает,
Качая ночь вперед, назад,
Глухой тревогой выгорает,
До срока облетевший сад.

Приходят с неба крики птичьи,
Подняв в крови адреналин,
И полный грустного величья,
За горизонт уходит клин.

Сгущая ночь над дальним плесом,
Обозначая в небо мост,
Я представлял, как крылья-весла,
Расталкивают россыпь звезд.

И были в небесах омыты,
Для птиц родимые края,
И до поры во мраке скрыто,
Летела в след душа моя.

СЧАСТЬЕ

Мне от прошлого много не надо,
Быть бы тенью улыбки твоей,
Там где осы в стакан лимонада,
Попадают из тихих полей.

Вспомнить дом и жильцов его давних,
И в величье округа встает,
Настежь в лето распахнуты ставни,
Сад под тяжестью вишен плывет.

Западню эта сладость обещает,
Жженье легкое родственных чувств,
Простотой благолепье смущает,
Теплотой покоровшихся уст.

Так, наверное, выглядит счастье,
Или так ощущается дом,
Запах речки узнать в одночасье,
И не важно, что будет потом.

СПУТНИК

Мой полуночный спутник беспечен,
Волчьим снегом, небес литургий,
Образцом неутраченной речи,
Белым тальком колючей пурги.

Спутник – тень, вездесущая бледно,
За любым занесенным кустом,
Через жизнь он проходит бесследно,
В этом сером обличье простом.

Дышит снег набивающий цену,
Пролетают в потемках края,
И душа принимает измену,
Неуемная и не моя.

БЕСПЕЧНОСТЬ

Дай юность счастливый билет,
Открой роковое наречье,
Беспечность не прожитых лет,
Скорей опусти мне на плечи.

Как жил или кем в мире был,
Не вспомню, а может, не знаю,
Не пел, но струну бередил,
Ступая по зыбкому краю.

Наверное, очень легко,
Мне было на жизненной лодке,
Лишь небо звало высоко,
Любить в сумасшествии кротком.

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Опять сирени буйство грозное,
Разлито в воздухе огромном.
Себя бояться в зрелом возрасте,
Креститься перед каждым громом.

Вода из крана мерно капает,
Давно уже не раздражает,
На фото миг живет этапами,
Действительность опережая.

Есть гибельная сладость в тлении,
В садах безвременье настоя.
И время сменит настроение,
В бесплодных поисках героя.

ПТИЦА ПЛАЧЕТ

Во тьме крошечной птица плачет,
Творит тоску собачий вой,
И ничего уже не значит,
Небесный свод над головой.
Пейзаж причудливого края,
Приходит в зрении ином.
Угрюмо башня долгостроя,
Стоит пустая за окном.
Нечестно беглая неделя
событиями истощена,
И освещает в мокром теле
Квартал огромная луна.
Уставшей каменной весной,
Не исправляй горячий нрав,
И никогда не успокоит,
Кто виноват, а кто был прав.

БОЛЬ

Единство времени и места,
В коротких вспышках новых встреч,
Поступок, объясняю жестом,
Привязанность бросаю с плеч.
Часы – высокие ступени,
Ведут характер в тишину,
В мир, состоящий из мгновений
И вечно сонный поутру.
В троллейбусе, ползущем в гору,
Уткнувшись в старенький планшет,
Нелепы с миром разговоры
О виртуальности побед.
Зачем же жизнь упрямо дразнит,
Ее непотопляем свет,
Уподобляя душу плазме,
В движенье агрессивных сред?
Себя не зная, только строю
Побегом одичавшим рост,
Туда где выгоревшим слоем,
Событий пепельный погост.
Печали нет, возможность сбыться,
Как вирус, что не излечим,

И память врет, смещая лица,
Накладывая толстый грим.
Ложь принята, еще толкова
И облачна ее тоска.
В ней только города пустого
Стеклярус холодит века.
Смещает дни, и те и эти,
Вкус бытия – простая соль,
Та, что из дырочки в пакете
Струиться горькая, как боль.

РАЗНОСЧИК СЛОВ

Закрой глаза и света гроздь,
Уйдет, в растущие просторы,
Вбивает в кровлю ржавый гвоздь,
Слепящий дождь, смиряя норы.

Тревогу упредив, печаль,
На Бога полагаясь кротко,
От берега скорей отчаль,
На легкой плоскодонной лодке.

Природа, тайною основ,
Качает реку в настоящем.
Греби вперед, разносчик слов,
Разносчик снов, пророк болящий.

Сосредоточь на срез волны,
Свой путь в отпущенные годы,
Что глубиной озарены,
И вечным торжеством свободы.

УСТАЛЫЙ ВЕК

Пустынный мыс и берег пенный,
И одичалый пляж песком лучист,
Жизнь быстротечна, смысл ее священный,
В обрывке фраз прохожего в ночи.
Неверен свет и правила утраты,
Как смена вех идут судьбе в зачет,
Свободы нет и снова виновато
Усталый век пожмет тебе плечом.

ХРАНЯЩИЙ СЛОВО

Был жребий слеп, как степень риска,
Он диктовал масштаб полотен,
Мне снился снег, и было близко,
До черных туч и подворотен.

В рассвете брезжило начало,
А с ним разрыв и трепет мыслей,
Опять отгадку одичало,
Вносили в мир хаоса числа.

Дробило жизнь на интервалы
Цепляло холодом нездешним.
Трещали времени завалы,
По грубым швам движеньем внешним.

В стоянье роковом и вещем,
Небес бездонная основа.
И был обманно свет обещан,
Как тонкий слой хранящий слово.

ОЧЕВИДНОСТЬ

Всегда в один конец билет,
Грехи на жизни первопуток,
Иди в слова и мысли лет,
В конспекты сумрачных маршруток.

Припала к небу и горчит,
Из повседневности таблетка,
Предчувствие не омрачит,
Задев лицо случайной веткой.

Но почему предъявлен счет,
Слова не выкинешь из песни,
Толпы усталой тесный гнет,
И состраданье в нужном месте.

Там, в параллельности эпох
Над зуммером столетья властен,
Живет усталый мудрый Бог,
Открывший очевидность настужь.

ПРОСТОРЫ

Было время заслуживать имя,
Почивать в его солнечном зное,
Опыт жизненный целостно принят,
Предначертан, умен и спокоен.
Жажда выглядеть сильным – расплата,
Расточительность жертвенных таинств.
Это так. Только крылья заката
Упадут в безмятежность окраин.
Своему одиночеству следуй,
Утешаясь огрызками полдня,
Искушай, воскресай, исповедуй,
Только стань на мгновенье свободней.
Будь с землею мистически связан,
Со страной, для блага которой,
Не отыщешь евангельской фразы,
Божий глас поглощают просторы.

ОТКРЫТЫЙ ВЕТРАМ

В пальто холодном пуст карман
И грудь закашлялась нагая,
Она открыта всем ветрам,
Как наша вера дорогая.
Я суетой не осквернён,
Благих и злых вестей отведав,
Есть суть явлений и имен,
И в пораженьях и победах.
На то даны права и честь,
И знание делать то, что надо,
И горна ангельская весть,
Трубит из рая или ада.

СОН И ЯВЬ

С зарею утренней обратно,
Бреду избранник суеты,
По берегу, где сваи внятно,
Отсвечивают у воды.
Стекляшка хрустнет под ногами,
И птица заросли вспугнет.
Устало дышит берегами,
Река и заводи сомкнет.
Лишь пена едкая как сода,
Течению наперекор.
В полете действена свобода,
На крыльях ветреный простор.

В круговороте смыслов глухо,
Даль светиться себя боясь,
И от пьянящего духа,
Не ведаешь, где сон и явь.

ПУСТЕЕТ ПЕРРОН

Спасибо тебе межсезонье,
За смутную, в пасмурном дрожь,
За хитрую наглость воронью,
Черту, что опять перейдешь.
Вагонные стекла сольются,
Навек опустеет перрон,
И в прошлом опять остаются
Немые строенья сторон.
Сиял ореол, в свете голом,
Надежды состав исчезал,
На щебень несчастных глаголов
Опять натыкался вокзал.
Отыщешь звезду, будто склянку
Сквозь ночи глухое рядно,
И время холодной изнанкой
Вернется и тянет на дно.

ДОРОГА

Есть разная данность у прожитых лет,
С дремотой в последнем вагоне,
Где смятая пачка шуршит сигарет,
В уставшей, затекшей ладони.
Ночами то серп серебриться луны,
То огненный шар на восходе,
И рельсы подобием тонкой струны,
Звуча к горизонту уходят.
То выстрелит в ночь семафора жакан,
И вновь обозначит значенье
Испитого чая граненый стакан,
Соленую горечь печенья.
И мысли грешны, да и чувства мелки,
И в той сумеречной водице,
Порою нещадно сверкают белки,
Уставшей блудить проводницы.
Года пропадают в излучине рек,
В косматых дождях и поныне,
Одною дорогой живет человек,
Пока колею не покинет.

КЛЮЧИ

Судьба в лихолетье простом,
Недолго опять ворожила,
И белые руки крестом,
Теперь в одночасье сложила.

Не думай о прежних делах,
В них холод забытых погостов,
Живем, как заряды в стволах,
И к нам не пристанет короста.

Пусть мир опрокинут до дна,
Доволен своею отравой,
Глухая стоит тишина,
Над памятью, честью и славой.

Озябшее небо кричит,
Отверсто над нами без звука,
И вложат от Рая ключи,
В чужую и грешную руку.

СВОЙ КРЕСТ

Стрельбою новогодних пробок, горит свечами вольно стол,
Но человек ужасно робок и в праздник скуп его престол.
Наверное, взрослеем поздно, когда за стенами живут,
Соседи шумные с мороза, лихие песни выдают.
А то, иной домовладелец, в кладовой обнаружив дрель,
Засвиристит, и полетели коленца нудные в метель.
Эпоха вечного ремонта, уходит в новые края,
Многоквартирность горизонта и многолюдность бытия.
Заложники чужих решений, объятий дружеских тиски,
Мы робко ждем преобразований и осмысления тоски.
Свой крест нести вполне привычка, смысл не в победе и беде,
А в пониманье безразличья неотвратимого в судьбе.

МАЗКАМИ ЯРКИМИ ХОЛСТА

В словах особенного смысла, бесспорно значимых сейчас,
Тревожного покоя выслать, великоватого в плечах.
Читать твои глаза напротив, догадки чувственно влача,
Что из душевных подворотен ждет и врача и палача.
Поссорившись, воркуем вроде, обиды чувственно легки.
Мы растворим себя в природе, уснув на берегу реки.
За переливы нищей крови, в расчете смерти и любви,
Я пред тобой всегда виновен, смиришь, умолкни и живи.

Червонный свет небесной сферы, раскатов приглушенный звук,
И жажда верности и веры, и слепота горячих рук.
А явь умна, как ложь чужая, влачиться в дальние места,
Где день себя преобразует мазками яркими холста.
Нежна пора предгрозовая, в ней чувство воли, рай и ад,
И разноцветьем укрываясь, поля души моей стоят.

У ПОЛНОЧИ С ТЕМНЫМ ПОРТАЛОМ

Нагрета земля и дождя рукава, асфальт, фонари пузырями,
Над миром лететь, забывая слова, не станут они бунтарями.
На время лампаду удержит душа, у полночи с темным порталом,
Где холод глазниц обнажит, не дыша, бетонное тело квартала.
Относит тихонько меня на ветру, от праздных и суетных мыслей,
Мне кажется, что никогда не умру, уйду в неизвестные числа.
Уроки внеклассные шумных деревьев, там боль закромами без сроков,
Зияющей бездны нестройный напев, бессметная зависть пророков.
Пророческих снов до конца не избыть, из тех родников не напиться.
Зачем бытию так упорно хранить характеры наши и лица?

ПУТЬ ДО РАЯ

Украдкой глину расписную,
Сомнет творец и будет грусть.
Минуя суету земную,
До края чувства, доберусь.
Так в первородстве бестолковом,
Немногих дней календаря,
Освобождаю сердце словом,
Для женщины, что любит зря.
Как будто некому молиться,
Нешадный сумрак сердца твой,
В полете застывают птицы –
Последний крик над головой.
И здесь надежда умирает.
Секунды и века дрожат.
Поймешь, простишь, но путь до рая,
Меж небом и землей зажат.

ВЕСЕННИЕ КОСТРЫ

Вдоль гор туманы морщат спины,
Увалы млечные не спят,
Земного шара половины
Ветрами вольными скрипят.
Безвкусен, музыкален шепот
Сферических небесных тайн.
Все так. И сомкнут зреньем опыт,

Возьми, созвездья начертай.
В колодце млечном, в бездне мудрой,
Лучи пронзительно остры,
Чтоб молодеющее утро,
Зажгло весенние костры.

НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ

На гребне волны, в упоенье, где суша с водою искрят,
Привидеться час сотворенья, с тобой небеса говорят!
Рассвет опускает бездонный весна на морские весы,
Сияя лазурью иконной, глотая прибоем часы.
Тревога в тот час отступает о будущем, только проснись
В своем упоенье слепая надежда на вечную жизнь!
Но сменой мгновений бесплодных нещадно застанет врасплох,
Стихии пустой и холодный и выдох и кликанный вдох.
Мне видится смысл продолжений, в метрическом плеске прибой,
Циклический смысл поражений, желанье побед над собой.

МИГ ПРОЗРЕНИЯ

Спит округа в бурьяне некошеном,
Вещий сон, положив на ладонь,
Свежий холод весны недоношенной,
запоздалый рассвета огонь.

Новый свет суетой не отринутый,
Меж мечтою и волей рубеж,
По одежде небрежно накинута,
Повстречаешь весомость надежд.

Где цепляясь за воздух непрошенный,
в отсыревшей невзрачной дали,
Миг прозренья пространством взъерошенный,
счастьем, болью и солью земли.

ЗНОЙ

Дома облиты зноем вязким,
Жизнь, загустев разморена,
Жирные ее и яркие краски,
Даль цепенеть обречена.

Девчонкой рыжей лето ходит,
Влюбленной дерзко до поры,
И полдня белый пароходик,
Уводит пристань от жары.

Целует время первый встречный,
Ему уже предъявлен счет,
Оттенков тонкое наречье,
В тенистые дворы идет.

Сегодня небо безголосо,
Острее трав степных настой,
И по мерцающим откосам,
Рассыпан пепел золотой.

Полны блаженного незнания,
Сухие на реке пески,
Так почему же состраданье,
Внезапно осенит виски?

СПОР ИСТИН

Услышь тщеславный плеск волны, суровый век, уйдя за скобки.
Мы вечностью обречены, в пределах черепной коробки.
Где воздух сеет тонкий яд, где холодом свободен город,
Пугает посторонний взгляд, жесток и поколеньем молод.
Сегодня черств насыщенный хлеб, горька вода и день без смысла,
Спор истин – спор высоких треб, и гордый нрав, и космос в числах.
Прощанья опыт безъязык, он раскрошится школьным мелом,
Так бритву ощутив кадык, руки боится неумелой.
Остались мысли и долги, дела остались первым снегом,
Друзья и честные враги, остались за далеким берегом.

АНГЕЛ

Здесь замерзающие реки и время повернулось вспять,
Глухие звуки или треки той музыки, что не понять.
Белеса наледь глины сонной, дорогой от любви к стыду,
Иду сквозь этот мир бездонный, приученный душой к труду.
Умен, убог во время оно, где правит вещей, правый, всяк,
Дневной звезде сиять бездонно, безмолвно попадать впросак.
Так мудрость опытом чревата и счастьем, от ее щедрот,
Одетый праздник угловатый и примирение невзгод.
Есть притча у оконных ставен, бездетный свет живет сквозя,
Я никому опять не равен, ни жить, ни умереть – нельзя.
Портвейн, убогий ломтик сыра, двора пустого мерзлый счет,
Люфт ветра в расписание мира и ангела пустой зрачок.
Он лишь случайный собутыльник, бомж вшивый, стриженный под ноль,
Сутулиться, как инфантильный, но заговаривает боль.

В ПЕЧАЛИ ВЫСОКОЙ

В ночи еще тлеть табаку,
И ветру гудеть безотказно.
Понять бы тебе, чудаку,
Что думать об истине – праздно.

Так перечень встреч и разлук,
Неяркое пламя бесстраший,
Запишет еще в ноутбук,
Чувствительность горькая наша.

Когда остаешься один,
И пристально смотришь до срока,
Куда вереница равнин
Уходит в печали высокой.

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Нам есть о чем молчать еще,
Пусть праздник с рваными мехами.
И високосный год не в счет,
За календарными грехами.

Жизнь, в этом точно есть резон –
С вином полупустая чаша,
А круг земной преображен,
Краями пресными лаваша.

В саду пустом мангал рябит,
Огнем зовет, весельем лечит,
Но даже он не вразумит,
Мое несовершенство речи.

СЧЕТ ПИСЕМ

Покой, к тебе дано спуститься,
Когда земля отринет шумное.
Летит отвесно и проститься,
Прошедших дней литье чугунное.

Себя у самого одалживать,
Заглядывая в жизни пропасть,
Морщины первые разглаживать,
И молодиться в фотошопе.

Счет писем, первое, десятое,
Написанные в личку. Практика
тепла души отдельно взятого,
Шум ветра, снег и сумма факторов.

Что состоит всегда из разного,
И требует не мелочиться,
Так почему такого праздного
Господь поцеловал в ключицу?

ЗАКАТ

Нарезаны яблоки в чай,
Приветливый осени взмах,
Чаруя живет невзначай,
Песчинкой в песочных часах.

Обличьем, скорбя на виду,
В небесном живет ремесле,
Не сниться, теснясь на виду,
Росою на сером весле.

Погоды вольны рубежи,
И солнца расплавленный шар,
Не ведая в небе межи,
Листвы затмевает пожар.

На реку затеян закат,
Кочует и сниться вода.
В след веку взгляни наугад,
Его не постичь никогда.

В МУЗЫКЕ ДЫМА

Улица поздней весною хранима,
Стены беленые, путь никуда,
Есть первородное в музыке дыма,
Малые есть на земле города.

Окон промокших уставший невольник,
Червь дождевой на асфальте узлом,
Станция, бар, горсовет – треугольник,
Дым облаков и вокруг чернозем,

Участь и часть бытия в междометье,
Свет, будто выстрел в туман холостой.
И почему-то любви и бессмертья,
Ящик почтовый все время пустой.

ДОЛГИЙ ДЕНЬ

Долгий день колокольного звона,
Звук в округе застывшей лучист,
Избежав рокового канона,
Как создателя помысел – чист.

В межсезонных помарках дорога,
Где сугробы с водой пополам,
Наполняет незрелой тревогой.

В беспорядке к делам и словам.

КРЫЛЬЯ

Надену крылья утром рано,
Когда еще не властен зной,
Пусть удивительные страны,
Толпятся тихо подо мной.

Наверно нет сильней награды,
Когда ты видишь быт иной,
Не нарушая их уклады,
Не преступив чужой межой.

Над ними музыка дымами,
Аквамарин густых лесов,
Поля, стесненные холмами,
И в ровном ветре бой часов.

Душа давно уже в астрале,
Так детство снится и когда,
Мечта воплощена в металле,
И на ладони города.

ПОСОХ

В полях безбрежных и туманных,
Дорогами в дожди и зной,
Бреду к земле обетованной,
Сквозь долгий день и мрак ночной.
Дан жизни суковатый посох,
В смоле вишневых янтарей.
Безмолвие пути, как способ,
Уйти за кромку будних дней.
В небесную стремиться полость,

Кровь вечности устав болеть.
Небрежен свет, в нем только вольность,
Которую дано воспеть.
Леса, что вторят мне устами,
Бессмертно на пути стоят,
Туда, где даль встает вратами,
В невидимый небесный град.

ИСПЫТАНИЯ

Опять зарядили дожди,
И слякотью дали болели,
Предчувствуя жизнь впереди,
Терялись скитальцы – недели.
Забудь, только жди и молись,
Безвременность точно объятья.
Когда испытаниям жизнь,
Дает имена, как понятия.

ДЕНЬ И ЧАС

Был гром, дрожали робко стекла,
И воздух зарябил в дожде,
И роща выглядела блекло,
И шла кругами по воде.

Шептался в миге отражений,
Осенней синевы распад,
Чредой, идя перерождений,
Природе тихой невпопад.

Порою виделось и зорче,
Сквозь сумрачную мглу сторон,
Что небо есть упрямый зодчий,
И нет людей и нет времен.

Деревья снова умирали,
В окалинах сезонных грез,
Без разницы между мирами,
Когда они сошлись всерьез.

Казалось поздно и беззвездно,
Но точно, что на все века,
Отсвечивала бестелесно,
Свинцом холодная река.

Чем некрасиво межсезонье?
Но с ним ветра знакомят нас,
Природой смыслов урезонив,
Не обозначив день и час.

РЫБАК

Печален берег без прилива,
И свет над сумраком земли,
Познание мира сиротливо,
Теряется в пустой дали.

Она в свеченье скудно – синем,
Бездонна, как сама тоска,
В морской недвижимой равнине,
Застывшей прямо у виска!

И в этом в таинстве высоком,
Глотками тишина кругом,
И так же смотрит в ночь из окон,
Заброшенный жильцами дом.

У моря на краю обрыва,
Стоит он, как печальный знак,
И только ветер молчаливо,
Напомнит, что пропал рыбак.

ДАЛЬ

Здесь белый свет косноязычен,
И время путалось в стволах,
Лишь отсвет мерзлой электрички,
Несет предместья впопыхах.

Где солнцем оловянно брызнет,
Мгновенье скупое ослепит,
Навстречу перебежкам жизни,
Оглохшим поездом летит.

Господь не даст привычной силы,
И рвется пуповина треб.
Когда со станций рукокрылых,
Ворвется запахами хлеб.

И то по вере стало ближе,
Став откровеньем и виной,
Перронов свет от сосен рыжий,
Всегда сквозной и неземной.

ПУТЬ

Узнай свой путь наверняка,
Ступая с пыльного порога.
Пастух, пасущий облака –
Твоя вселенская дорога.

Движенье мира угадай,
Узнай, таинственное – рядом,
В безмолвных высях дерзкий рай,
С пугающим сиротским взглядом.

Привычно Бог миры замкнет,
Иной еще не ведом жребий.
Заранее предъявлен счет,
А выбор однозначен – небыль.

ВРЕМЕНИ КОРОСТА

Шершава времени короста,
Гордыней ясною и честной,
Веков мгновенья смотрят просто,
Пророчески и бестелесно.

Мы как потерянная стая,
Осваиваем вновь просторы,
К стихии тихой привыкая,
Нет счастья, радости, в которой.

Блажен, кто покидает станы,
Им станут ближе перемены.
И только дышат покаянной,
Свободой робкой храмов стены.

ИСКАНИЯ

В любом искании – огонь,
Рознь и содружество языцев,
Поставлен город на ладонь,
И только существует в лицах.

Он обозначен тайно впредь,
И в жажде жизни настоящей,
Приходит поколение в сеть,
Вставая за пустою чашей.

Они мечтают знать судьбу,
Дерзки их мысли друг за другом,
Они ведут с собой борьбу,
Бредя по замкнутому кругу.

Еще стезя легка у них,
Чтоб путать чувство с вдохновеньем.
Свет горний в хлопотах земных,
Не терпит мелкого прозренья.

ВЫБИРАЯ

Одним дыханьем выбирая,
Век, что безвременьем разъят,
В нем вечным пеплом догорает,
Не угасающий закат.
Волна к волне, в рожденье новом,
Несет познание перемен,
Молчанье следует за словом,
Великой тишине взамен.
И так, шепча молитв твердыни,
Забыв тщету и бремя дней,
Бреди к заоблачной пустыне,
Чтобы навеки слиться с ней.

ОПЫТ

Планеты ось яснее слушаю,
Припав весной виском к земле,
А то, что называлось сушею,
Теперь лежит на самом дне.

И лес, и зданья, нечто большее,
Лемех и чернозема пласт,
Колеблется под водной толщею,
Неправильностью строгих масс.

Земля твердеет. В лучшем случае,
Перебивает плотность хмель,
Разбросив запахи тягучие,
Покойные, как колыбель.

И небо в отраженном ропоте,
Стоит, как толстое стекло.
Природа в своенравном опыте,
Несет прозренья и тепло.

ОГНИ

Мне снятся по ночам огни чужого края,
И робко в черный створ разверзнутых небес,
Уходит прошлый век, под ветром замирая,
И будто сам к себе теряет интерес.
Но что известно нам: единожды учиться
Не предавать мечты, не заводить врагов,
Лишь только потому, что время мелочиться
Не любит и всегда боится берегов.

ВЫБОР

Ветра поднимитесь, вот пепел летит,
Он – вечность, в обличье простом.
Оправдана лишь середина пути,
Скрепленная верой, постом.

В горсти невесома и пыльна земля,
Приметой родной стороны.
О дальних и близких скажу не деля,
Родства или близкой вины.

Былое с грядущим вместит окоем,
Наш выбор всегда в тесноте,
Пока мы поем и пока мы живем,
Хлеба достаем в суете.

ЧРЕДА МГНОВЕНИЙ

Печальна осень далью строгой,
Она устала тучи гнать.
Опять нацелилась дорога,
В заоблачную благодать.
В звонке последнего трамвая,
О чем природе я ропщу?
Тепло последнее смывая,
И даже прошлое смещу,
В один высокий смысл пространства.
Догадка в окнах разлита,
Потребностью непостоянства,
Сама собою занята.
Она живет в чреде мгновений,
Напомнив сбивчивую речь.
Лишь в небе жатва одолений,
Стремится в смысл себя облечь.

ТРЕВОГИ БЫТИЯ

Под утро ум перебирает вещи,
Сон переходит грани забвения,
И робкий свет напоминает клещи
Смыкающий тревогу бытия.
Над остовом утихнувших мелодий,
Встает в зрачках неявное. Вполне
Являя образы из разума угодий,
Которые живут, нечаянно во мне.
Так пыльный плющ, одолевая камень,
Стремится вверх, в холодный небосвод,
И управляем лед и так холодно пламя,
А सूщее – в руках, а не наоборот.

БЕЗ ТЕНЕЙ

Вот новый день дает надежды,
В тумане радугой светя,
Толпа глупцов смежает вежды,
И радуется, как дитя!

Они довольствуются малым,
Их жизнь тревожна и светла,
Едва начавшись, миновала.
Поняв ничтожность естества.

Я точно голоса их слышу,
Чрез роговицу вижу впредь,
Толпу, она неровно дышит,
Умеет лишь себя жалеть.

В загадке той, что захотела,
Ждать промысла никчёмных дней,
Зияя душами без тела.
Как спирт, сгорая без теней.

БЛАГ ЗЕМНЫХ

Благ земных вечно прав устроитель,
Жизнь, буквально стремясь воспринять,
И мешает лишь ангел-хранитель,
Высоту откровений унять.

Простота повседневности в раме,
Переходит в длинноты мельком.

Кухня тесная, капает в кране,
Засыпает квартал за окном.

На дома от заката сквозные,
Благодать не жалела ключей,
Отступали заботы земные,
Сотворившие мир мелочей.

Быт не знает печали и срока,
Забываем, что здесь мы – в гостях,
В чем ты право небесное око,
Бытие не случайный пустяк?

ВНЕЗАПНАЯ ВЕСНА

Молодой, беспробудно везучий,
Утомленный субтитрами сна,
От затворов твоих меж созвучий,
Накатившая разом весна!

Я растерян такому веселью,
Устремленному в створ голубой,
День назад было вьюги похмелье,
И протяжный на холоде вой.

Мир ныряет в воздушные ямы,
Заплутав между небом и злом,
Где упорно закат амальгамой,
Долгий вечер берет на излом.

Обновлений надежда, как ропот,
На погоду дыши и радей,
Что врачует теплом и потопом
Обнажив суть вещей и людей.

ПРИСТАНЬ

Прохладными дождями вешними,
Стоят оттаявшие дни.
Сквозь лес с дощатыми скворечнями,
Далекой пристани огни.
Весна! Тебе лишь только верю я,
Тобой и полон я и пуст,
Когда идет над светлым берегом,
Плавающих льдин прощальный хруст.
Так жалуясь на ветры исстари,

В упавшей наземь высоте,
Речная рябь в тяжелом бисере.
И даль в беспечной нагоде.

ОТЧИЙ КРАЙ

Здесь отчий край и деревенька,
И ангел из золы дотла,
И дом, где каждая ступенька,
Мне пела и меня вела.

Где дым трубой и каждый весел,
День длился счастьем без конца.
Холмистые толпились веси,
За синим лесом у крыльца.

Все так же робко сердце бьется,
Прохлада забралась туда –
В проем дубового колодца,
Где точно плавает звезда.

Я сохранил заборы эти,
Нас, конопатых сорванцов,
Что лазили в густые плети,
Белоголовых огурцов.

Здесь жизнь осталась в первой трети,
Открыв свою простую суть –
В полях – хранителях столетий,
Где храм указывал нам путь.

ОТПУСК

Вытряхивает лето гардеробы,
На спертый воздух прямо без затей,
И отпускных, наверно хорошо бы,
Услышать позитивных новостей.
В универмагах и торговых центрах,
Сияющих товаром этажах,
Выискиваем отдыха рецепты,
Преображаясь прямо на глазах.
Давно уже пора желаньям сбыться,
Купить панаму, дайвера набор,
И улететь на юг, через столицу,
Туда солнце и морской простор.
Открыть бы нам неведомую сушу,
Где нависает мощных гор гряда,

Как открывают перед нами душу,
Сакральные большие города.
Нам вручены ключи от избытка,
Нам дадены рекламы ярлыки,
Но мне милее с деревенской пылью,
Забытые, родные большаки.
Где в сумасбродстве сладковатый клевер,
Соцветий шаровидных фантазер.
Так манит вдаль, неброский тихий север,
Голубизна реликтовых озер.
И это ощущение первородства,
В неспешной основательности дней.
Какое-то щемящее сиротство,
Неисправимой верности моей.

КЛЕРК

Предзимье и случайный фейерверк,
Что молодость устроила со смехом,
В подъезд заходит равнодушный клерк,
Блестя под фонарями рыбьим мехом.
Скрывает дождь его и листвою,
И людоедства домового шнеки,
Судьба под водосточную трубой,
Следы его оставила навеки.
Контакт с семьей - почти гремучий газ,
Тактильный мир в калейдоскопе кухни,
Где чайника ошпаренный маразм,
С картошкой отварной и салом вкупе.
Метаморфозы дня стоят горбом,
Пороком, в не решенье сиротливом,
Целует, ударяясь в щеку лбом,
Холодный ящик с колбасой и пивом.
Зевает, и течет песок в часах,
Неумолим среди радостей и стрессов.
Но грезит он, что времени ясак,
Получит от согласия с прогрессом.

ИЮЛЬ

Июль, жара идет уступами,
Сквозь душных ливней череду,
Не понимает сердце глупое,
Глухую тишину в саду.

А там твой образ – наваждение,
И суеты душевной снесь,
Забуть чем жил и ждать прощение,
Где нежно яблокам краснеть.

Где лето роскошью невиданной,
Одарит заревом шелков,
С мечтами, счастьем и обидами,
Не сбросив любящих оков.

УГАСАЮЩЕЕ ЛЕТО

Пронзительнее даль видна,
И горизонт печально вылит,
Мир начинался из окна,
По миру эти окна плыли.
Так о высоком говоря,
Есть отраженья в буднях праздных,
Обгонит день календаря,
Безвременье глухим сарказмом.
Крестом фрамуги вызван спазм,
Зыбки сейчас полоски света,
И в слове тихом есть соблазн,
От угасающего лета.

ПРОХЛАДА

Опять тепло не напророчил,
Надвинув ночь со всех сторон,
Дождь леденящих многоточий,
И был в кварталах растворен.

Прими, не мучь себя виною,
Возмездье новых непогод,
Пусть брэнной мерностью земною,
День завершит круговорот.

Ноябрь смиреннее и тише,
Зазимка ширится пробел,
Холодные мерцают крыши,
И колкий воздух огрубел.

Но почему вкусна прохлада
И фабулой свежа тоска?
Душа непостижима рада,
Высокой боли у виска.

ХОЛОДА

О холодах который раз,
Расспрашиваем постоянно,
Увы, они коснутся нас,
Всегда нагадано и странно.
Путь холода всегда таков,
Хрустит, как свежая рубаха,
В преддверии земных оков,
Гонимый первобытным страхом.
И город в нем и нем и глух,
Угаданный в короткой прозе,
Свободен как нетленный дух,
Бездонно выглядит в морозе.
Созвездий жестяная ложь,
Над миром торжествует плотно,
Озябших дум глухая дрожь,
И снега белые полотна.

ЗИМНИЕ ДАЛИ

Могущество нежного зренья,
Зимы величавый объем,
Набраться ума и терпенья –
В глазах удержать оком.

Со временем, мнимо разъятым
Побудь, и тогда удивит:
Сугроб с совершенным накатом
И мокрый на нем снеговик.

Душой испытай эти дали,
Есть пауза, слово и знак,
Являя простые детали,
Природа расщедрилась так.

Прими, полагаясь на риски,
Тебе эти веси близки,
И станет немислимо близким,
Прилив изумленной тоски.

А небо в молочном сморканье
Предъявит и точно скроит,
Холщовой укрытые тканью,
Простые желанья твои.

ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Какого рода мы и племени,
Из чьих мы сотканы созвездий?
Нас осеняют ветры времени,
Холодным лезвием возмездий.

Заметь, как поселилась истина
В обыкновенный детский лепет,
Леса шумят густыми листьями,
Явив природы смертный трепет.

Над городами населенными,
Несется вечность в пыльной дреме,
За облаками опаленными,
На неба бронзовой жаровне.

Прислушайся: прозренья раннее
не совместимо с настоящим.
Мы верно тонем в мироздании
Детей в ночи целуя спящих.

РОМАН СО СТОЛЕТЬЕМ

Колючее утро отметит,
Как свет через кроны щербат.
Закончен роман со столетьем,
Молчит, пожелтев циферблат.
Он ржавую стрелкой морочит,
Меня в неизвестность гоня,
Он знаться со мною не хочет,
В преддверии судного дня.
Прохладою ливень ярится,
В высокую грусть затворен.
Уместней сейчас удивиться
Языческой власти времен.
Ненастье измучит свеченье,
Толкая бездонную даль.
И памяти горькое мщенье,
Сегодня особенно жаль.